

АЛЕКСАНДР ДЮМА

Графиня де Шарни

ТОМ 2

Записки врача

Александр Дюма
Графиня де Шарни. Том 2

«Азбука»

1855

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Дюма А.

Графиня де Шарни. Том 2 / А. Дюма — «Азбука»,
1855 — (Записки врача)

ISBN 978-5-389-34412-9

«Графиня де Шарни» – историко-приключенческий роман Александра Дюма, автора «Трех мушкетеров», «Королевы Марго» и многих других всемирно известных произведений. События романа разворачиваются на фоне одного из самых бурных периодов истории Франции – Великой французской революции. Светское общество Парижа сталкивается с яростью толпы, старые порядки рушатся, уступая место новому, кровавому миру, где брат идет на брата, а тем, кто пытается сохранить честь и достоинство в хаосе перемен, грозит гибель... В водоворот драматических событий, ворвавшихся в жизнь графини Андреа де Шарни, оказываются вовлечены многие реальные исторические деятели, в числе которых Людовик XVI и Мария-Антуанетта, принцесса Ламбаль, граф Калиостро, Мирабо, Лафайетт, а также персонажи Дюма, уже знакомые читателям благодаря романам «Жозеф Бальзамо», «Ожерелье королевы» и «Анж Питу». Впервые в России роман печатается в сопровождении замечательных иллюстраций Станислава Гудечека, дополненных работами французских иллюстраторов конца XIX – начала XX века. Во второй том вошли третья, четвертая части романа и эпилог.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-34412-9

© Дюма А., 1855

© Азбука, 1855

Содержание

Часть третья	9
Глава I	9
Глава II	15
Глава III	23
Глава IV	28
Глава V	33
Глава VI	40
Глава VII	47
Глава VIII	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Дюма

Графиня де Шарни. Том 2

Alexandre Dumas
LA COMTESSE DE CHARNY

Перевод с французского
Леонида Цывьяна (часть третья),
Ивана Русецкого (часть четвертая, эпилог)

© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2026
© Л. М. Цывьян (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Графиня де Шарни

ТОМ 2

Часть третья

Глава I

Ненависть человека из народа

Оказавшись лицом к лицу, двое мужчин с секунду смотрели друг на друга, но взгляд дворянина не заставил представителя народа опустить глаза.

Более того, Бийо заговорил первым:

– Господин граф оказал мне честь объявить, что желал бы побеседовать со мной. Я жду, что он соблаговолит мне сказать.

– Бийо, – спросил Шарни, – почему получается так, что я встречаю в вас мстителя? Я считал вас нашим другом, другом дворянства, а кроме того, добрым и верным подданным короля.

– Да, я был добрым и верным подданным короля, господин граф, но вот вашим другом не был: такая честь была не для бедного фермера вроде меня. Я был вашим покорным слугой.

– И что же?

– А то, господин граф, что, как видите, я уже не являюсь ни тем ни другим.

– Я не понимаю вас, Бийо.

– А зачем вы хотите меня понять, господин граф? Разве я спрашиваю вас о причинах вашей преданности королю, о причинах вашей преданности королеве? Нет, я просто полагаю, что у вас есть причины действовать именно так, поскольку вы – человек честный и умный, принципы ваши основательны и, уж во всяком случае, поступая так, вы не идете против совести. Я не обладаю вашим высоким положением и вашей ученостью, но раз уж вы знаете или знали меня как человека тоже честного и умного, почему бы вам не предположить, что и у меня, как у вас, есть свои причины, пусть даже не столь основательные, и что я тоже не иду против своей совести?

– Бийо, – сказал Шарни, совершенно не осведомленный о причинах ненависти фермера к дворянству и королевской власти, – но ведь совсем недавно вы, насколько я знаю, были настроены иначе, нежели сейчас.

– Разумеется, и я этого не отрицаю, – с горькой улыбкой молвил Бийо. – Да, вы меня знали совершенно другим. Скажу вам, господин граф, совсем недавно я был истинным патриотом, преданным двум людям – королю и господину Жильберу, и еще я был предан своей стране. Но однажды полицейские короля, и должен вам признаться, тут я впервые ощутил возмущение против него, – покачав головой, заметил фермер, – так вот, однажды полицейские короля явились ко мне и, наполовину силой, наполовину воспользовавшись внезапностью, отняли у меня шкатулку, бесценную вещь, доверенную мне на хранение господином Жильбером. Обретя свободу, я тотчас же отправился в Париж и прибыл туда вечером тринадцатого июля, попав как раз в разгар волнений, когда люди несли бюсты герцога Орлеанского и господина Неккера, крича: «Да здравствует герцог Орлеанский! Да здравствует господин Неккер!» Большого вреда от этого королю не было, и, однако, нас неожиданно атаковали королевские солдаты. Я видел, как вокруг меня падали несчастные – кто от удара саблей по голове, кто пронзенный пулею в грудь, хотя единственным их преступлением было то, что они выкрикивали здравицы двум людям, которых, верней всего, даже и не знали. Я видел, как господин де Ламбеск, друг короля, преследовал в саду Тюильри женщин и детей, хотя те ничего даже не кричали, видел, как его лошадь сшибла и растоптала семидесятилетнего старика. И это тоже настроило меня против короля. На следующий день я пришел в пансион к Себастьяну и узнал от бедного мальчика, что его отец по приказу короля, испрошенному какой-то придворной дамой, заключен в Басти-

лию! И тогда я опять подумал, что у короля, которого все считают таким добрым, при всей его доброте случаются долгие периоды затмения, неведения или забывчивости, и вот, чтобы исправить, насколько это в моих силах, одну из ошибок, которую допустил король в такой вот период забывчивости, неведения или затмения, я сколько мог способствовал взятию Бастилии. Мы вошли в нее, хотя это было нелегко: солдаты короля стреляли в нас, и мы потеряли почти двести человек убитыми, и это дало мне новые основания усомниться в великой доброте короля, в которую все так верили, но Бастилия была взята, и в одной из камер я нашел господина Жильбера, ради которого я только что раз двадцать рисковал жизнью. К тому же господин Жильбер первым делом заявил мне, что король добр, что он даже понятия не имеет о большинстве несправедливостей, которые творятся от его имени, и что винить в этих несправедливостях надо не его, а министров; в ту пору любое слово господина Жильбера звучало для меня все равно как Божественное откровение, и я поверил ему; к тому же Бастилия была взята, господин Жильбер на свободе, а мы с Питу целы и невредимы, и я забыл про расстрел на улице Сент-Оноре, про избиевание в саду Тюильри, про полторы, а то и две сотни убитых свирелью принца Саксонского¹ и про заключение господина Жильбера всего-навсего по просьбе придворной дамы... Но прошу прощения, господин граф, – спохватился Бийо, – все это вас не касается, и вы меня вызвали на разговор с глазу на глаз не для того, чтобы слушать пустую болтовню темного крестьянина. Вы ведь не только знатный дворянин, но и ученый человек.

И Бийо протянул руку к двери, намереваясь вернуться в комнату короля.

Однако Шарни удержал его.

У Шарни были две причины удерживать его.

Первая: ему становились ясны поводы враждебности Бийо, а в нынешних обстоятельствах это было немаловажно; вторая: он выигрывал время.

– Нет, нет! – возразил он. – Расскажите мне все, дорогой Бийо. Вы же знаете, как дружелюбно относились к вам все мы, и я, и мои бедные братья, и ваш рассказ мне в высшей степени интересен.

При словах «мои бедные братья» Бийо горько усмехнулся.

– Ну что ж, – сказал он, – я все расскажу вам, господин де Шарни, и крайне сожалею, что тут нет *ваших бедных братьев, особенно господина Изидора*, и они не могут меня послушать.

Бийо произнес «особенно господина Изидора» таким тоном, что Шарни постарался не выдать скорби, каковую пробудило в его душе имя любимого брата, и, ничего не ответив Бийо, явно не знавшему про несчастье, постигшее младшего де Шарни, об отсутствии которого он сожалел, сделал фермеру знак продолжать.

Бийо продолжал:

– Так вот, когда король отправился в Париж, я видел в нем лишь отца, возвращающегося домой в окружении своих детей. Я шел вместе с господином Жильбером рядом с королевской каретой, прикрывая ее своим телом, и во весь голос орал: «Да здравствует король!» То была первая поездка короля, и на протяжении всего пути спереди, сзади, с боков под копыта его лошадей, под колеса его кареты сыпались цветы и благословения. Когда мы прибыли на площадь Ратуши, все обратили внимание, что король уже не носит белую кокарду, но у него нет еще и трехцветной; и все закричали: «Кокарду! Кокарду!» Я снял кокарду со своей шляпы и подал ему, он поблагодарил меня и под восторженные клики толпы прикрепил ее себе на шляпу. Я охмелел от радости, видя свою кокарду на шляпе нашего доброго короля, и громче всех кричал: «Да здравствует король!» Я был так восхищен нашим добрым королем, что остался в Париже. Подходила жатва! Я был достаточно богат, мог пожертвовать одним урожаем, и коль мое присутствие здесь могло хоть в чем-то оказаться полезным этому доброму

¹ Наименование так называемого крепостного ружья, многоствольного орудия, заряжавшегося круглыми ружейными пулями. Более подробно о нем см. «Анж Питу». – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

королю, отцу народа, возродившему французскую свободу, как мы, глупцы, в ту пору называли его, я, само собой, решил остаться в Париже, а не возвращаться в Писле. Урожай же, который я доверил заботам Катрин, почти весь пропал – у нее, похоже, тогда были другие заботы, кроме жатвы... Да ладно, не будем об этом! А тем временем стали поговаривать, что король вовсе не с чистым сердцем принял революцию, что сделал он это неохотно и против воли и предпочел бы носить на шляпе не трехцветную, а белую кокарду. Те, кто говорил так, были клеветники, что и доказал банкет господ гвардейцев, на котором королева была не с трехцветной кокардой, не с белой, не с национальной, не с французской, а просто-напросто с кокардой своего брата Иосифа Второго, с черной австрийской кокардой. Признаюсь вам, в тот раз у меня опять возникли сомнения, но господин Жильбер сказал мне: «Бийо, это же сделал не король, а королева. Она – женщина, а к женщинам надо быть снисходительным». А я до того верил ему, что, когда из Парижа пришли штурмовать дворец, я, хоть в глубине сердца и понимал, что нападавшие ни в чем не виноваты, встал на сторону тех, кто его защищал; ведь это я помчался разбудить господина де Лафайета (бедняга спал сном праведника) и привел его во дворец как раз вовремя, чтобы спасти короля. О, в тот день я видел, как господина де Лафайета обняла Мадам Елизавета; видел, как королева протянула ему руку для поцелуя; слышал, как король назвал его своим другом, и подумал: «Ей-богу, господин Жильбер, похоже, был прав. Ну не может же того быть, чтобы король, королева и принцесса королевской крови из одного только страха выказывали такие знаки внимания господину де Лафайету; конечно, сейчас он нужен им, но особы подобного ранга, не разделяй они его убеждений, не унизились бы до лжи». В тот раз я даже пожалел бедную королеву, которая была всего лишь неблагоразумна, и бедного короля, чья вина состояла только в том, что он был слаб. Я дал им возвратиться в Париж без меня. У меня были дела в Версале. Вам известно какие, господин де Шарни?

Шарни вздохнул.

– Говорят, – продолжал Бийо, – что второй их приезд в Париж был не таким радостным, как первый, и вместо благословений раздавались проклятия, вместо здравий слышались крики «Смерть!», а вместо букетов, которые бросали под копыта лошадям и под колеса кареты, люди несли на пиках отрубленные головы. Но я не знаю, так ли это; меня там не было, я оставался в Версале. А ферма все так же чахла без хозяина! Ну да я был достаточно богат и, потеряв урожай восемьдесят девятого года, мог позволить себе потерять и урожай девяностого. Но в одно прекрасное утро появился Питу и сообщил мне, что я могу потерять то, с утратой чего ни один отец, как бы богат он ни был, не способен смириться, – свою дочь!

Шарни вздрогнул.

Бийо пристально взглянул на него и продолжал рассказ:

– Надо вам сказать, господин граф, что примерно в лье от нас, в Бурсонне, проживала благородная, знатная и безмерно богатая семья. Она состояла из трех братьев. Когда они были детьми и ездили из Бурсонна в Виллер-Котре, младшие из трех братьев почти всегда оказывали мне честь, делая остановку у моей фермы. Они говорили, что нигде не пили такого вкусного молока и не едали хлеба вкуснее того, который печет матушка Бийо, а иногда добавляли, что никогда не видели такой красивой девочки, как моя Катрин, и я, дурак, думал, что это они говорят, чтобы отплатить мне за гостеприимство. И я благодарил их за то, что они отведали моего хлеба, попили моего молока и нашли мою дочь Катрин красивой! А чего вы хотите? Уж ежели я верил королю, который, как говорят, по матери наполовину немец, почему я не должен был верить им? Так что, когда младший из них, по имени Жорж, уже давно покинувший наши края, в ночь с пятого на шестое октября был убит в Версале у дверей королевы, отважно исполнив свой долг дворянина, только Богу ведомо, как глубоко я был огорчен его смертью. Ах, господин граф, его брат, старший брат, который не заходил к нам в дом, но не потому, что он был чрезмерно горд, тут я должен воздать ему справедливость, а потому, что покинул наши края, когда был куда моложе Жоржа, – так вот, его старший брат видел тогда меня, видел, как

я стоял на коленях перед трупом, пролив слез не меньше, чем пролил крови мертвый юноша. Я так и вижу себя в том зеленом сыром дворике, куда я перенес на руках бедного мальчика, чтобы его не растерзали, как растерзали трупы его товарищей господ де Варикура и Дезютта, и моя одежда была перепачкана кровью не меньше, чем ваша, господин граф. Да, он был очарователен, и я до сих пор помню, как он проезжал мимо нас в коллеж в Виллер-Котре на своей серой лошадке, держа в руках корзинку... Правду вам скажу: ежели бы я помнил только о нем, то, вспоминая его, плакал бы так же горько, как вы, господин граф. Но я помню о другом, – угрюмо промолвил Бийо, – и потому не плачу.

– О другом? Что вы хотите этим сказать? – спросил Шарни.

– Потерпите, – остановил его Бийо, – дойдем и до этого. Значит, Питу приехал в Париж и сообщил мне кое-что, из чего я уразумел, что мне грозит потеря не только урожая, но и моего ребенка, что под угрозой не только мое состояние, но и счастье. Я оставил короля в Париже. Раз уж, как заверил меня господин Жильбер, он искренне на стороне революции, то дела, буду я здесь, не будет меня здесь, просто не могут не наладиться, и я отправился к себе на ферму. Поначалу-то я думал, что Катрин всего-навсего больна, что жизнь ее в опасности, что у нее лихорадка, мозговая горячка и бог его знает что еще. Состояние, в каком я ее нашел, страшно меня перепугало, тем паче что врач запретил мне входить к ней в комнату, пока она не выздоровеет. Но если отчаявшемуся, несчастному отцу запрещают заходить в комнату к дочери, то, подумал я, слушать-то под дверью мне можно. И я слушал! Так я узнал, что она едва не умерла, что у нее была мозговая горячка, что она чуть ли не лишилась рассудка, оттого что уехал ее любовник! Годом раньше я тоже уехал, но она не сходила с ума, оттого что отец покидает ее, она улыбалась мне на прощанье. Выходит, мой отъезд дал ей свободу встречаться с любовником? Катрин выздоровела, но радость так и не вернулась к ней. Месяц, два, три, полгода прошло, и ни разу проблеск веселья не осветил ее лицо, с которого я не сводил глаз, но вот однажды утром я увидел ее улыбку и вздрогнул. Видать, ее любовник вернулся, а иначе с чего ей было улыбаться? И правда, на другой день меня встретил один пастух и сказал, что любовник ее возвратился в то самое утро. У меня не было сомнений, что вечером он заявится к нам, а верней, к Катрин. И вот вечером я забил в свое ружье двойной заряд и сел в засаду...

– Бийо! – воскликнул Шарни. – Неужели вы это сделали?

– А чего же не сделать? – усмехнулся Бийо. – Ежели я устраиваю засаду на кабана, который роет мой картофель, на волка, который режет моих овец, на лису, которая душит моих кур, то почему я не могу устроить засаду на человека, который пришел украсть мое счастье, на любовника, пришедшего обесчестить мою дочь?

– Но потом у вас дрогнуло сердце, не так ли, Бийо? – обеспокоенно спросил граф.

– Нет, не дрогнуло ни сердце, ни рука, и глаз оказался верен, а следы крови подтвердили, что я не промазал. Только понимаете, какое дело, – с горечью произнес Бийо, – моя дочь не колебалась в выборе между любовником и отцом. Когда я вошел в комнату Катрин, ее там не было, она исчезла.

– И вы с той поры не видели ее? – поинтересовался Шарни.

– Нет, – ответил Бийо, – да и к чему мне видаться с нею? Она прекрасно знает, что я убью ее, ежели встречу.

Шарни качнул головой, в то же время не отрывая от Бийо взгляда, в котором сквозило смешанное с ужасом восхищение этой сильной, нестигаемой натурой.

– Я опять стал трудиться на ферме, – продолжал Бийо. – Мое горе не имело никакого значения, лишь бы Франция была счастлива. Разве король не следовал с чистым сердцем дорогой революции? Разве не собирался он участвовать в празднике Федерации? Разве не увижу я на этом празднестве моего доброго короля, которому я отдал шестнадцатого июля свою трехцветную кокарду и которого, можно сказать, спас от смерти шестого октября? Какое, должно быть, будет счастье для него увидеть на Марсовом поле всю Францию, приносящую клятву хранить

единство отечества! Да, в тот миг, когда я это увидел, я забыл обо всем, даже о Катрин... Нет, вру, отец никогда не забудет дочь... И он тоже поклялся! Правда, мне показалось, что клялся он не так, как надо, нехотя, что он дал клятву, сидя на своем месте, а не у алтаря Отечества. Но он поклялся, и это было главное; клятва есть клятва, и место, где она была произнесена, вовсе не делает ее более священной или менее священной, а когда честный человек дает клятву, он ее держит. Король обязан был сдерживать ее. Правда, завернув как-то в Виллер-Котре, поскольку, потеряв дочку, мне больше нечем было заняться, кроме как политикой, я услышал, что король хотел дать похитить себя господину де Фаврасу, но дело не выгорело, потом хотел бежать вместе со своими тетками, но план не удался, потом хотел уехать в Сен-Клу, а оттуда в Руан, но народ воспрепятствовал этому. Да, я слышал все эти толки, но не верил им. Разве я не видел собственными глазами на Марсовом поле, как король клятвенно поднял руку? Разве я не слышал собственными ушами, как он произносил клятву? Нет, такого быть не могло! Но вот позавчера я был по торговым делам в Мо, а надо вам сказать, что ночевал я у моего друга, хозяина почтовой станции, с которым мы заключили крупную сделку на зерно, – так вот, там я был страшно удивлен, когда в одной из карет, которой меняли лошадей, я увидел короля, королеву и дофина. Ошибиться я не мог, я и раньше их видел в карете: ведь шестнадцатого июля я сопровождал их из Версаля в Париж. И тут я услышал, как один из господ, одетых в желтое, сказал: «По Шалонской дороге!» Голос поразил меня. Я обернулся и узнал. Кого бы вы думали? Того, кто отнял у меня Катрин, благородного дворянина, который исполнял лакейскую должность, скача перед королевской каретой.

Произнося это, Бийо впился взглядом в графа, желая удостовериться, понял ли тот, что речь идет о его брате Изидоре, но Шарни лишь вытер платком пот, катившийся у него по лбу, и промолчал.

Бийо заговорил снова:

– Я хотел погнаться за ним, но он уже был далеко. У него была превосходная лошадь, он был вооружен, а я безоружен... Я лишь скрипнул зубами, подумав, что король сбежит из Франции, а этот соблазнитель сбежал от меня, и тут мне пришла в голову одна мысль. Я сказал себе: «Я ведь тоже принес присягу нации. Что из того, что король ее нарушил? Я-то верен ей. Так исполним же ее! До Парижа десять лье. Сейчас три часа ночи. На хорошей лошади я там буду через два часа. Я потолкую обо всем этом с господином Байи, человеком честным, который, как мне кажется, на стороне тех, кто держит клятву, и против тех, кто ее нарушает». Приняв решение, я, не теряя времени, попросил у моего друга, владельца почтовой станции в Мо, разумеется не сказав ему, куда собираюсь, одолжить мне свой мундир национального гвардейца, саблю и пистолеты. Я взял лучшую лошадь из его конюшни и, вместо того чтобы потрусить рысцой в Виллер-Котре, галопом поскакал в Париж. Прибыл я туда в самое время: там уже знали о бегстве короля, но не знали, в какую сторону он бежал. Господин де Ромеф был послан господином де Лафайетом на Валансьенскую дорогу. Но представьте себе, что значит случай! На заставе его остановили, велели вернуться в Национальное собрание, и он явился туда как раз в тот момент, когда оповещенный мною господин Байи сообщал самые точные сведения о маршруте его величества, так что осталось лишь написать приказ по всей форме, изменив название дороги. Все это было сделано в один миг! Господина де Ромефа послали на Шалонскую дорогу, а мне поручили сопровождать его, и, как видите, я поручение выполнил. Так что, – с мрачным видом заключил Бийо, – я настиг короля, который обманул меня как француза, и тут я спокоен, он от меня не ускользнет. Сейчас мне осталось настигнуть того, кто обманул меня как отца, и клянусь вам, господин граф, он от меня тоже не ускользнет.

– Дорогой господин Бийо, тут вы, увы, ошибаетесь, – со вздохом промолвил Шарни.

– То есть как это?

– Несчастный, которого вы имеете в виду, ускользнул от вас.

– Сбежал? – с невероятной яростью вскричал Бийо.

– Нет, он мертв, – ответил Шарни.

– Мертв? – невольно вздрогнув, воскликнул Бийо и вытер пот со лба.

– Мертв, – повторил Шарни, – и кровь, которую вы видите на мне и которую совсем недавно совершенно справедливо сравнили с той кровью, какой вы были покрыты в версальском дворике, – его. А если вы мне не верите, дорогой Бийо, спуститесь, и в малом дворике, похожем на тот, версальский, вы найдете его тело. Он погиб во имя того же, во имя чего погиб и мой первый брат.

Бийо с растерянным видом смотрел на Шарни, который сообщил все это тихим, ровным голосом, хотя по щекам у него катились слезы, и вдруг выкрикнул:

– А! Все-таки есть правосудие на небесах!

Он ринулся из комнаты, но на пороге остановился и бросил:

– Господин граф, я верю вам, но все равно хочу собственными глазами увидеть, что правосудие свершилось.

Шарни, подавив вздох, проводил Бийо и вытер слезы.

Затем, понимая, что нельзя терять ни минуты, он бросился в комнату королевы и, подойдя к ней, шепотом спросил:

– Господин де Ромеф?

– Он с нами, – ответила королева.

– Тем лучше, – сказал Шарни, – поскольку с другой стороны надеяться не на что.

– Так что же делать? – осведомилась королева.

– Выиграть время, пока не прибудет господин де Буйе.

– А он прибудет?

– Да. Я отправляюсь искать его.

– Улицы полны народу, вас знают! – воскликнула королева. – Вы не пройдете, вас терзают. Оливье! Оливье!

Шарни улыбнулся, молча отворил окно, выходящее в сад, повторил свое обещание королю, поклонился королеве и спрыгнул с высоты пятнадцати футов.

Королева в ужасе вскрикнула и закрыла лицо руками; молодые люди бросились к окну, и их радостные возгласы прозвучали как бы ответом на испуганный крик королевы.

Шарни взобрался на садовую стену и исчез по другую сторону ее.

И вовремя: в дверях появился Бийо.

Глава II

Господин де Буйе

Посмотрим, что делал в эти страшные часы маркиз де Буйе, которого с таким нетерпением ждали в Варенне и в котором воплотились последние надежды королевского семейства.

В девять вечера, то есть примерно в то время, когда беглецы прибыли в Клермон, маркиз де Буйе вместе со своим сыном г-ном Луи де Буйе выехал из Стене и направился в Дён, дабы находиться ближе к королю.

Однако, не доехав четверти лье до Дёна, он из боязни, как бы его не обнаружили, остановился и вместе со спутниками расположился в придорожной канаве; лошадей же они держали недалеко от дороги.

Они ждали. По всем предположениям, вскоре должен был появиться гонец от короля.

В подобных обстоятельствах минуты кажутся часами, а часы столетиями.

Слышно было, как неторопливо и безучастно – к этой безучастности те, кто ждет, хотели бы приноровить биение своих сердец – пробило десять, одиннадцать, полночь, час, два, три.

В третьем часу начало светать; за все шесть часов ожидания до слуха бодрствующих не донесся ни один звук, говорящий, что кто-то подъезжает к ним или удаляется, звук, который принес бы им надежду или отчаяние.

К рассвету маленький отряд пребывал в полной безнадежности.

Г-н де Буйе решил, что произошло нечто непредвиденное, но, не зная что, приказал возвращаться в Стене, чтобы там, среди подчиненных ему войск, попытаться, насколько это возможно, исправить последствия случившегося.

Отряд сел на коней и шагом двинулся по дороге к Стене.

Когда до города оставалось не более четверти лье, г-н Луи де Буйе обернулся и заметил вдали пыль, поднятую несколькими всадниками, скачущими галопом.

Отряд остановился и стал ждать.

Всадники приближались, и многим стало казаться, что они их узнают.

Вскоре никто уже не сомневался: то были г-да Жюль де Буйе и де Режкур.

Отряд устремился им навстречу.

И когда они сблизились, весь отряд в один голос задал один и тот же вопрос, а оба ново-прибывших в один голос дали одинаковый ответ:

– Что случилось?

– В Варенне арестовали короля!

Было около четырех утра.

Известие было ужасное; ужасное тем более, что оба молодых человека пребывали на краю города в гостинице «Великий монарх», где внезапно оказались окружены вооруженным народом, так что им пришлось пробиваться сквозь толпу, и они так и не узнали, что и как в точности произошло.

И все же, как ни ужасна была эта новость, она еще не убивала окончательно надежду.

Г-н де Буйе, как все генералы полагавшийся на железную дисциплину, верил, не беря в расчет препятствия, что все его приказы были в точности исполнены.

Однако если короля арестовали в Варенне, то все отряды, получившие приказ следовать за королем, должны были прибыть к Варенну.

В состав этих отрядов входили:

сорок гусар полка де Лозена под командой герцога де Шуазеля;

тридцать драгун из Сент-Мену под командой г-на Дандуэна;

сто сорок драгун из Клермона под командой г-на де Дамаса;

и наконец, шестьдесят гусар из Варенна под командой г-д де Буйе и де Режкура, с которыми, правда, молодые люди не смогли снестись в момент своего бегства, но которые во время их отсутствия оставались под командой г-на де Рорига.

Правда, двадцатилетнему г-ну де Роригу по причине его молодости довериться не решились, но, получив приказы от остальных командиров, г-д де Шуазеля, Дандуэна или де Дамаса, он присоединит своих людей к тем, кто пришел на помощь королю.

Таким образом, вокруг короля сейчас должно быть примерно около сотни гусар и сто шестьдесят или сто восемьдесят драгун.

Этого вполне достаточно, чтобы противостоять восставшему городку с населением в тысячу восемьсот человек.

Но мы уже видели, что события опровергли стратегические расчеты г-на де Буйе.

Впрочем, его уверенности тут же был нанесен первый удар.

Пока г-да де Буйе и де Режкур докладывали генералу, на дороге заметили скачущего во весь опор всадника.

Появление его означало новые известия.

Все взоры обратились к нему. Оказалось, это был г-н де Рориг.

Генерал поскакал навстречу ему.

Он был в таком настроении, когда нет ничего проще обрушить всю силу своего гнева даже на невиновного.

– Что это значит, сударь? – закричал генерал. – Почему вы покинули свой пост?

– Прошу меня простить, господин генерал, – отвечал г-н де Рориг, – но я прибыл по приказанию г-на де Дамаса.

– Так что, господин де Дамас вместе со своими драгунами в Варенне?

– Господин де Дамас в Варенне, господин генерал, но без своих драгун. С ним один офицер, адъютант и еще несколько человек.

– А остальные?

– Остальные отказались выступать.

– А господин Дандуэн со своими драгунами? – осведомился г-н де Буйе.

– Говорят, они арестованы муниципалитетом Сент-Мену.

– Но хотя бы господин де Шуазель со своими и вашими гусарами в Варенне? – воскликнул генерал.

– Гусары господина де Шуазеля перешли на сторону народа и кричат: «Да здравствует нация!» А мои гусары в казармах, их сторожит вареннская национальная гвардия.

– И вы, сударь, приняли команду над ними, не разогнали всю эту сволочь, не соединились вокруг короля?

– Господин генерал, вы забываете, что я не получил никакого приказа, что мои командиры – господа де Буйе и де Режкур и я даже не знал, что его величество должен проследовать через Варенн.

– Это правда, – единодушно подтвердили г-да де Буйе и де Режкур.

– Как только я услышал шум, – продолжал младший лейтенант, – я тотчас же спустился на улицу и спросил, в чем дело. Я узнал, что примерно четверть часа назад была задержана карета, в которой, как утверждали, находились король и королевское семейство, и что особы, находившиеся в ней, препровождены к прокурору Коммуны. Собралась большая толпа вооруженных людей, забили в барабан, ударили в набат. И вдруг в этой суматохе я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо; я обернулся и узнал господина де Дамаса; он был в сюртуке поверх мундира. «Вы ведь младший лейтенант, командир вареннских гусар?» – спросил он. «Да, господин полковник». – «Вы знаете меня?» – «Вы – граф Шарль де Дамас». – «Не теряя ни секунды, садитесь на коня и скачите в Дён, в Стене, короче, найдите маркиза де Буйе и передайте ему, что Дандуэна и его драгун удерживают в Сент-Мену, мои драгуны отказались

исполнять мои приказания, гусары де Шуазеля грозятся перейти на сторону народа и у короля и его семейства, которые находятся под арестом в этом доме, одна надежда на него». Получив такой приказ, господин генерал, я считал, что должен слепо повиноваться ему, а не заниматься разведкой. Я вскочил на коня и поскакал во весь опор. И вот я перед вами.

– Господин де Дамас больше ничего вам не сказал?

– Да, сказал еще, что всеми возможными средствами попытается выиграть время, чтобы вы, господин генерал, успели в Варенн.

– Ну что ж, – вздохнув, промолвил г-н де Буйе, – каждый сделал все, что мог. Теперь действовать нам.

Он повернулся к графу Луи, своему сыну:

– Луи, я остаюсь здесь. Эти господа сейчас повезут приказы, которые я им передам. Прежде всего, пусть отряды из Муза и Дёна немедленно выступают на Варенн, возьмут под охрану переправу через Мезу и начинают атаку. Господин де Рориг, передайте им этот приказ от моего имени и скажите, что им будет оказана поддержка.

Молодой человек поклонился и поскакал к Дёну.

Г-н де Буйе продолжал:

– Господин де Режкур, езжайте навстречу швейцарскому полку де Каstellла, который идет в Стене и находится на марше. Где бы вы его ни встретили, объясните им ситуацию и передайте мой приказ удвоить переходы. Скачите.

Когда молодой офицер поскакал в сторону, противоположную той, в которую погнал свою усталую лошадь г-н де Рориг, маркиз де Буйе обратился к своему младшему сыну:

– Жюль, смени в Стене лошадь и скачи в Монмеди. Пусть господин фон Клинглин отдаст приказ Нассаускому пехотному полку, стоящему в Монмеди, двигаться на Дён, а сам пусть прибудет в Стене. Марш!

Жюль поклонился и тоже ускакал.

– Луи, – спросил г-н де Буйе у старшего сына, – немецкий королевский полк находится в Стене?

– Да, отец.

– Он получил приказ на рассвете быть готовым к выступлению?

– Я сам передал его от вашего имени полковнику.

– Приведи его ко мне. Я буду ждать тут, на дороге; может быть, поступят еще какие-нибудь известия. Королевский немецкий полк надежен?

– Да, отец.

– Ну что ж, этого полка будет вполне достаточно, с ним мы и пойдем на Варенн. Скачи! Граф Луи ускакал.

Минут через десять он возвратился.

– Королевский немецкий полк следует за мной, – доложил он.

– Он был готов к выступлению?

– К моему великому удивлению, нет. Видимо, командир плохо понял меня вчера, когда я передавал ему ваше приказание, потому что он был в постели. Но он встал и заверил меня, что идет в казармы, чтобы самолично ускорить выступление. Опасаясь, как бы вы не стали беспокоиться, я вернулся, чтобы доложить вам причину задержки.

– Значит, он придет? – спросил генерал.

– Командир сказал, что выступает следом за мной.

Прождали десять минут, пятнадцать, двадцать – никто не появился.

Обеспокоенный генерал взглянул на сына.

– Я скачу туда, отец, – сказал граф Луи.

Он погнал лошадь галопом и скоро был в городке.

И хотя изнывающему от тревоги г-ну де Буйе время ожидания казалось бесконечным, выяснилось, что командир полка почти ничего не сделал, чтобы ускорить выступление: готовы были всего несколько человек; граф Луи, горько сетуя на его медлительность, повторил приказ генерала и, получив клятвенные заверения полковника, что через пять минут и он, и солдаты выходят из города, возвратился к отцу.

Возвращаясь, он обратил внимание, что застава, через которую он проезжал уже в четвертый раз, теперь охраняется национальной гвардией.

Опять прождали пять минут, десять, четверть часа, и опять никто не появился.

Г-н де Буйе прекрасно понимал, что каждая потерянная минута – это год, вычтенный из жизни пленников.

И тут увидели на дороге кабриолет, едущий со стороны Дёна.

В кабриолете сидел Леонар, который чем дальше ехал, тем больше впадал в беспокойство.

Г-н де Буйе остановил его, однако голову бедняги Леонара чем дальше он отъезжал от Парижа, тем больше занимали мысли о брате, у которого он увез плащ и шляпу, о г-же де л'Ааж, которая причесывается только у него и сейчас тщетно ждет, чтобы он сделал ей куафюру; короче, в мозгу у него была такая сумятица, что генералу не удалось вытянуть из него ничего путного.

К тому же Леонар выехал из Варенна до ареста короля и никаких новостей сообщить г-ну де Буйе не мог.

Это небольшое происшествие на несколько минут отвлекло генерала. Тем не менее с того времени, когда командиру Немецкого королевского полка был отдан приказ, прошло около часу, и г-н де Буйе велел сыну в третий раз отправиться в Стене и не возвращаться без полка.

Граф Луи, полный ярости, усккал.

Когда он примчался на плац, ярость его только усилилась: он обнаружил верхом не более полусотни солдат.

Он начал с того, что взял этих людей и с ними овладел заставой, чтобы обеспечить свободу входа и выхода, после чего возвратился к генералу и заверил его, что на сей раз за ним следует командир полка вместе с солдатами.

Он был совершенно уверен в этом. Однако прошло еще десять минут, и он собрался в четвертый раз отправиться в город, но тут показалась голова колонны Королевского немецкого полка.

В других обстоятельствах г-н де Буйе приказал бы арестовать командира его же подчиненным, но сейчас побоялся вызвать недовольство офицеров и солдат; поэтому он ограничился выговором полковнику за его медлительность, после чего обратился с речью к солдатам, в которой объявил, какая почетная миссия им выпала, сказал, что от них зависит не только свобода, но и жизнь короля и всего королевского семейства, пообещал офицерам повышение, а солдатам награду и для начала раздал им четыреста луидоров.

Речь, завершенная таким образом, произвела действие, какого и ожидал маркиз; раздался многоголосый крик «Да здравствует король!», и полк на рысях выступил в Варенн.

В Дёне нашли отряд из тридцати человек, который г-н де Делон, уезжая вместе с Шарни, оставил здесь для охраны моста через Мезу.

Их взяли с собой и продолжили марш.

До Варенна оставалось еще добрых восемь лье по холмистой местности, так что скорость марша была отнюдь не такая, какой желалось бы, поскольку до места назначения следовало дойти с солдатами, которые были бы способны выдержать удар и броситься в атаку.

Тем временем все почувствовали, что вошли на вражескую территорию: в деревнях били в набат, откуда-то спереди доносился треск, весьма напоминающий ружейную пальбу.

Полк продолжал движение.

Около Гранж-о-Буа показался всадник; с непокрытой головой он скакал во весь опор, пригнувшись к шее лошади, и еще издали подавал знаки, стараясь обратить на себя внимание. Полк прибавил ходу, расстояние между ним и всадником сокращалось.

Всадником оказался г-н де Шарни.

– К королю, господа! К королю! – кричал он еще издали, хотя его не могли слышать, и махал рукой.

– К королю! Да здравствует король! – ответили громогласным кличем солдаты и офицеры.

Шарни занял место в рядах. В нескольких словах он изложил, как обстоят дела. Когда граф уезжал, король находился в Варенне, так что еще не все было потеряно.

Лошади уже устали, но какое это имело значение! Полк продолжал скакать крупной рысью: перед выступлением кони получили овса, люди были воодушевлены речью и луидорами г-на де Буйе. Поэтому полк мчался вперед с криками: «Да здравствует король!»

В Крепи повстречали священника из присягнувших. Он взглянул на полк, спешащий в Варенн, и крикнул:

– Торопитесь, торопитесь! К счастью, вы приедете слишком поздно!

Граф де Буйе услышал эти слова и, подняв саблю, ринулся на него.

– Несчастный! Что ты делаешь? – остановил графа отец.

Молодой человек опомнился, понял, что сейчас убьет беззащитного, да к тому же священнослужителя, а это – двойной грех, и, вытащив ногу из стремени, ударил священника сапогом в грудь.

– Вы приедете слишком поздно! – покотившись в пыль, повторил священник.

Полк продолжил путь, проклиная этого пророка, сулящего несчастье.

Явственной стала слышна ружейная перестрелка.

Оказалось, г-н де Делон с семьюдесятью гусарами вел бой примерно с таким же числом национальных гвардейцев.

Полк ринулся в атаку на национальную гвардию и рассеял ее.

Но от г-на де Делона узнали, что в самом начале девятого король выехал из Варенна.

Г-н де Буйе извлек часы: было без пяти девять.

И все равно надежда оставалась! О том, чтобы пройти через город, из-за возведенных там баррикад нечего было и думать; Варенн решили обойти.

Обходить решили слева, поскольку справа местность была такова, что пройти там не удалось бы.

Но слева придется переправляться через реку. Однако Шарни заверил, что ее можно перейти вброд.

Итак, решено было оставить Варенн справа, пройти лугами, на Клермонской дороге атаковать конвой, как бы многочислен он ни был, и освободить короля или погибнуть.

Проскакав две трети лье, подошли к реке напротив города. Первым направил в нее коня Шарни, за ним последовали г-да де Буйе, потом офицеры, а за офицерами солдаты. За лошадьми и солдатскими мундирами не видно было воды. Минут через десять весь полк был на другом берегу.

Переправа немножко освежила и коней, и всадников.

Коней пустили галопом и поскакали напрямик к Клермонской дороге.

Вдруг Шарни, опережавший отряд шагов на двадцать, остановился и вскрикнул: он стоял на берегу канала, проходящего в глубоком овраге с крутыми откосами, и обнаружил его, только подъехав вплотную.

Шарни совершенно забыл про него, хотя во время топографических работ самолично его снимал. Канал тянулся на многие лье и на всем протяжении представлял такую же трудность для переправы, как и здесь.

Если с ходу его не преодолеть, то на переправе можно поставить крест.

Шарни подал пример: он первым бросился в воду. Глубина была большая, однако конь графа бесстрашно поплыл к другому берегу.

Но вся беда была в том, что на крутом глинистом откосе подковам лошади не за что было зацепиться.

Трижды или четырежды Шарни пытался выбраться наверх, но, несмотря на все искусство опытного наездника, каждый раз его лошадь после отчаянных, почти по-человечески разумных усилий соскальзывала из-за отсутствия опоры для передних ног и, хрипло дыша, бухалась в воду, чуть ли не топя всадника.

Шарни понял: то, что не смог сделать его великолепный скакун лучших кровей, управляемый умелым седоком, заведомо не под силу четырем сотням полковых лошадей.

Итак, попытка не удалась; судьба оказалась сильнее, король и королева погибли, и раз нельзя их спасти, не остается ничего другого, как исполнить свой долг, то есть погибнуть вместе с ними.

Граф предпринял еще одно усилие, чтобы выбраться на берег, оно оказалось тщетным, как и предыдущие, но на сей раз граф почти до половины клинка вонзил в глину свою саблю.

Сабля так и осталась там – как опора, которой лошадь воспользоваться не способна, но которая может оказаться полезной для седока.

Шарни отпустил узду, вынул ноги из стремян и, оставив коня бороться с губительной водой, подплыл к сабле, схватился за нее и после нескольких бесплодных попыток вскарабкался на откос и выбрался на берег.

После этого он повернулся и глянул на противоположную сторону: де Буйе и его сын плакали от бессильной ярости, солдаты угрюмо сидели в седлах, поняв, после того как стали свидетелями отчаянной борьбы, что вел Шарни, сколь тщетна была бы их попытка форсировать канал.

Г-н де Буйе был в безмерном отчаянии; ведь до сей поры все его предприятия удавались, все его действия увенчивались успехом, и в армии даже родилась поговорка: «Удачлив, как Буйе».

– Ах, господа, – скорбно воскликнул он, – после этого можно ли назвать меня удачливым?

– Нет, генерал, – ответил с другого берега Шарни, – но будьте спокойны, я засвидетельствую, что вы сделали все, что было в человеческих силах, а ежели я скажу, мне поверят. Прощайте, генерал.

И он пошел пешком, весь в грязи, истекающий водой, безоружный: сабля его осталась на откосе канала, порох в пистолетах подмок; вскоре он скрылся среди деревьев, которые, подобно дозору, выдвинутому лесом, стояли вдоль дороги.

Именно по этой дороге и увезли плененного короля и королевское семейство. Чтобы догнать их, нужно было идти по ней.

Но прежде чем выйти на дорогу, Шарни в последний раз обернулся и увидел на берегу проклятого канала г-на де Буйе и его отряд, которые, хоть и понимали, что идти вперед нет возможности, никак не могли решиться начать отход.

Шарни обреченно помахал им рукой, торопливо зашагал по дороге и вскоре исчез за поворотом.

Проводником ему служил доносившийся до него многоголосый гул, в который смешивались крики, восклицания, угрозы, смех и проклятия десятитысячной толпы.

Глава III

Отъезд

Нам уже известно про отъезд короля.

И тем не менее нам остается сказать несколько слов о том, как происходил этот отъезд и как проходило путешествие, во время которого вершились разнообразные судьбы верных слуг и последних друзей, сплотившихся велением рока, случая или преданности вокруг гибнущей монархии.

Итак, вернемся в дом г-на Сосса.

Как мы уже рассказывали, едва Шарни выпрыгнул, дверь отворилась и на пороге предстал Бийо.

Лицо его было угрюмо, брови нахмурены; внимательным, испытующим взглядом он обвел всех участников драмы и, обойдя глазами их круг, по-видимому, отметил всего лишь два обстоятельства:

во-первых, исчезновение Шарни; оно прошло без шума, графа уже не было в комнате, и г-н де Дамас закрывал за ним окно; чуть наклонись Бийо, он мог бы увидеть, как граф перелезает через садовую ограду;

во-вторых, нечто наподобие договора, только что заключенного между королевой и г-ном де Ромефом, договора, по которому все, что мог сделать де Ромеф, – это оставаться нейтральным.

Комната за спиной Бийо была заполнена такими же, как он, людьми из народа, вооруженными ружьями, косами или саблями, – людьми, которых фермер остановил одним мановением руки.

Казалось, некое инстинктивное магнетическое влияние вынуждает этих людей повиноваться их предводителю, такому же плебею, как они, в котором они угадывали патриотизм, равный их патриотизму, а верней будет сказать, ненависть, равную их ненависти.

Бийо оглянулся, глаза его встретились с глазами вооруженных людей, и в их взглядах он прочел, что может рассчитывать на них, даже если придется прибегнуть к насилию.

– Ну что, – обратился он к г-ну де Ромефу, – решились они на отъезд?

Королева искоса глянула на Бийо; то был взгляд из разряда тех, что способны, обладая они мощностью молнии, испепелить наглеца, которому он адресован.

После этого она села и так впиалась пальцами в подлокотники кресла, словно хотела их раздавить.

– Король просит еще несколько минут, – сообщил г-н де Ромеф. – Ночью никто не спал, и их величества падают с ног от усталости.

– Господин де Ромеф, – отвечал ему Бийо, – вы же прекрасно знаете, что их величества просят эти несколько минут не из-за того, что устали: просто они надеются, что через несколько минут сюда прибудет господин де Буйе. Но только пусть их величества поостерегутся, – угрожающе добавил Бийо, – потому что, если они откажутся ехать добровольно, их дотащат до кареты силой.

– Негодай! – вскричал г-н де Дамас и с саблей в руке бросился на Бийо.

Но Бийо повернулся к нему и скрестил на груди руки.

Ему не было нужды защищаться: в тот же миг из соседней комнаты к г-ну де Дамасу устремились около десятка человек, вооруженных самым разным оружием.

Король понял: достаточно одного слова или жеста и оба его телохранителя, г-н де Дамас и г-н де Шуазель, а также трое офицеров, находящихся рядом с ним, будут убиты.

– Хорошо, – сказал он, – велите запрягать. Мы едем.

Г-жа Брюнье, одна из двух камеристок королевы, вскрикнула и лишилась чувств.

Этот крик разбудил детей.

Маленький дофин расплакался.

– Ах, сударь, – обратилась королева к Бийо, – у вас, видно, нет детей, раз вы столь жестоки к матери!

Бийо вздрогнул, но тотчас же с горькой улыбкой ответил:

– Да, сударыня, больше нет. – И тут же повернулся к королю. – Лошади уже запряжены.

– Тогда скажите, чтобы подали карету.

– Она у дверей.

Король подошел к окну, выходящему на улицу. Действительно, карета уже стояла; из-за шума на улице он не слышал, как она подъехала.

Народ заметил в окне короля.

И тут же толпа издала ужасающий крик, верней, чудовищный угрожающий рев. Король побледнел.

Г-н де Шуазель подошел к королеве.

– Ваше величество, мы ждем ваших приказаний, – сказал он. – Я и мои друзья предпочитаем погибнуть, нежели видеть то, что происходит.

– Как вы думаете, господин де Шарни спасся? – шепотом спросила королева.

– О, за это я ручаюсь, – ответил г-н де Шуазель.

– В таком случае едем. Но ради всего святого, вы и ваши друзья поезжайте с нами. Я прошу об этом не столько ради нас, сколько ради вас.

Король понял, чего опасалась королева.

– Кстати, – сказал он, – господа де Шуазель и де Дамас сопровождают нас, а я не вижу их лошадей.

– Действительно, – согласился г-н де Ромеф и обратился к Бийо: – Мы не можем препятствовать этим господам сопровождать короля и королеву.

– Если эти господа смогут, пусть сопровождают их, – бросил Бийо. – В полученном нами приказе сказано доставить короля и королеву, а про этих господ там ничего не говорится.

– В таком случае, – с неожиданной для него твердостью заявил король, – если эти господа не получают лошадей, я не тронусь с места.

– А что вы на это скажете? – поинтересовался Бийо, обращаясь к заполнившим комнату людям. – Король не тронется с места, если эти господа не получают лошадей.

Ответом был громкий смех.

– Я пойду велю привести вам лошадей, – сказал г-н де Ромеф.

Но г-н де Шуазель преградил ему дорогу.

– Не покидайте их величеств, – сказал он. – Ваша миссия дает вам некоторую власть над народом, и дело вашей чести не допустить, чтобы хоть волос упал с голов их величеств.

Г-н де Ромеф остановился.

Бийо пожал плечами.

– Ладно, я пошел, – объявил он и вышел первым.

Однако в дверях комнаты он остановился и, нахмутив брови, осведомился:

– Надеюсь, я иду не один?

– Будьте спокойны! – отвечали ему горожане со смехом, свидетельствующим, что в случае сопротивления жалости от них ждать не придется.

Надо сказать, эти люди были уже так разъярены, что не раздумывая применили бы силу к королевской семье, а если бы кто-то попытался бежать, то и открыли бы огонь.

Словом, Бийо не было надобности давать им какие-либо распоряжения.

Один из горожан стоял у окна и следил за тем, что происходит на улице.

– А вот и лошади, – сообщил он. – В путь!

– В путь! – подхватили его товарищи, и тон их не допускал никаких возражений.

Король шел первым.

За ним, предложив руку королеве, последовал г-н де Шуазель; затем шли г-н де Дамас с Мадам Елизаветой, г-жа де Турзель с двумя детьми; эту маленькую группу окружали те несколько человек, что остались верны их величествам.

Г-н де Ромеф в качестве посланца Национального собрания, иными словами, особы священной, обязан был лично обеспечивать безопасность короля и сопровождающих его лиц.

Но, по правде говоря, г-н де Ромеф сам нуждался в том, чтобы его безопасность обеспечили: пронесся слух, будто он спустя рукава исполнял распоряжения Национального собрания, а вдобавок способствовал, если уж не действиями, то бездейтельностью, бегству одного из самых преданных королевских слуг, который, как утверждали, оставил их величеств, чтобы передать г-ну де Буйе их приказ поспешить на помощь.

В результате стоило г-ну де Ромефу появиться в дверях, как толпа, славившая Бийо, которого она, похоже, склонна была признать своим единственным вождем, разразилась криками «Аристократ!» и «Предатель!», перемежая их угрозами.

Король и его свита сели в кареты в том же порядке, в каком они спускались по лестнице. Двое телохранителей заняли места на козлах.

Когда спускались по лестнице, г-н де Валори приблизился к королю.

– Государь, – обратился он, – мой друг и я просим ваше величество о милости.

– Какой, господа? – спросил король, недоумевая, какую милость он еще может оказать.

– Государь, поскольку мы более не имеем счастья служить вам как солдаты, просим позволения занять место вашей прислуги.

– Моей прислуги, господа? – воскликнул король. – Нет, это невозможно!

Г-н де Валори склонился в поклоне.

– Государь, – промолвил он, – в положении, в каком ныне находится ваше величество, мы считаем, что это место было бы почетным даже для принцев крови, не говоря уже о бедных дворянах вроде нас.

– Хорошо, господа, – со слезами на глазах произнес король, – оставайтесь и никогда больше не покидайте меня.

Вот так оба молодых человека заняли места на козлах в полном соответствии с надетыми ими ливреями и фальшивыми должностями скороходов.

Г-н де Шуазель закрыл дверцу кареты.

– Господа, – сказал король, – я положительно требую ехать в Монмеди. Кучер, в Монмеди!

Но народ ответил единогласным громоподобным воплем, словно изданным десятикратно бóльшим количеством людей:

– В Париж! В Париж!

Когда же на миг установилась тишина, Бийо саблей указал направление, куда ехать, и велел:

– Кучер, по Клермонской дороге!

Карета тронулась, исполняя его приказ.

– Беру вас всех в свидетели, что надо мной совершают насилие, – заявил Людовик XVI.

После чего несчастный король, исчерпав себя в этом напряжении воли, превосходившем его возможности, рухнул на сиденье между королевой и Мадам Елизаветой.

Карета катила по улице.

Минут через пять, когда карета не проехала еще и двух сотен шагов, сзади раздались громкие крики.

Королева первая выглянула из кареты – то ли потому, что она сидела с краю, то ли по причине своего характера.

Но в ту же секунду она поникла на сиденье, закрыв лицо руками.

– О горе нам! – воскликнула она. – Там убивают господина де Шуазеля!

Король попытался встать, но королева и Мадам Елизавета ухватились за него, и он снова опустился на сиденье между ними. Впрочем, карета как раз завернула за угол, и уже нельзя было увидеть, что происходило там, всего в двух сотнях шагов.

А произошло вот что.

У дверей дома г-на Сосса г-да де Шуазель и де Дамас сели на коней, но выяснилось, что лошадь г-на де Ромефа, который, впрочем, приехал в почтовой карете, исчезла.

Г-да де Ромеф, де Флуарак и фельдфебель Фук пошли пешком в надежде попросить лошадей у гусар или драгун, ежели те, храня верность присяге, отдадут их, либо попросту забрать тех, что оставили хозяева, поскольку и гусары, и драгуны в большинстве своем побратались с народом и пили во здравие нации.

Не успели они сделать и полутора десятков шагов, как г-н де Шуазель, ехавший у дверцы кареты, заметил, что г-дам де Ромефу, де Флуараку и Фуку грозит опасность раствориться, затеряться и вообще исчезнуть в толпе.

Он остановился на секунду, меж тем как карета поехала дальше, и, полагая, что из этих четырех человек, подвергающихся равной опасности, г-н де Ромеф по причине доверенной ему миссии является тем, кто может оказаться наиболее полезен королевскому семейству, крикнул своему слуге Джеймсу Бризаку, шедшему в толпе:

– Мою вторую лошадь господину де Ромефу!

Едва он произнес эти слова, народ возмущился, зароптал и окружил его, крича:

– Это герцог де Шуазель, один из тех, кто хотел похитить короля! Смерть аристократу! Смерть предателю!

Известно, с какой стремительностью во времена народных мятежей исполняются подобные угрозы.

Г-на де Шуазеля стащили с седла, швырнули на землю, и он оказался поглощен водоворотом, который именуется толпой и из которого чаще всего можно выйти только разорванным в клочья.

Но едва г-н де Шуазель упал, как к нему на помощь мгновенно бросились пять человек.

То были г-да де Флуарак, де Ромеф, де Дамас, фельдфебель Фук и слуга герцога Джеймс Бризак; у него отняли лошадь, которую он вел в поводу, поэтому руки у него оказались свободны и он имел возможность помочь своему хозяину.

Началась чудовищная свалка, нечто наподобие тех схваток, которые вели народы древности, а в наши дни ведут арабы вокруг окровавленных тел своих раненых и убитых соплеменников.

К счастью, г-н де Шуазель, как это ни невероятно, был жив и даже не ранен, или, вернее, раны его, несмотря на опасное оружие, которым они были нанесены, оказались самыми ничтожными.

Какой-то кавалерист стволом своего мушкетона отбил удар, нацеленный в г-на де Шуазеля. Второй удар отразил Джеймс Бризак палкой, которую он вырвал у одного из нападающих.

Палка переломилась как тростинка, но удар был отражен и ранил всего-навсего лошадь г-на де Шуазеля.

И тут Фук догадался крикнуть:

– Драгуны, ко мне!

На крик прибежали несколько солдат и, устыдившись, что на их глазах убивают человека, который ими командовал, пробились к нему.

В ту же секунду вперед бросился г-н де Ромеф.

– Именем Национального собрания, уполномоченным которого я являюсь, и генерала Лафайета, пославшего меня сюда, – закричал он, – отведите этих господ в муниципалитет!

Слова «Национальное собрание», равно как фамилия генерала Лафайета, бывшего в ту пору на вершине популярности, произвели должное действие.

– В муниципалитет! В муниципалитет! – раздалось множество голосов.

Благонамеренным людям пришлось приложить усилия, и вот г-на де Шуазеля и его товарищей потащили к зданию мэрии.

Все это длилось более полутора часов, и в течение этих полутора часов не было минуты, чтобы не прозвучала угроза или не была произведена попытка убить пленников; стоило кольцу их защитников чуть расступиться, как в зазор тотчас же просовывалась сабля, вилы или коса.

Наконец подошли к ратуше; находившийся там единственный муниципальный советник был страшно напуган ответственностью, которая свалилась на него.

Дабы избавиться от нее, он распорядился поместить г-д де Шуазеля, де Дамаса и де Флуарака в камеру под охрану национальной гвардии.

Г-н де Ромеф объявил, что не желает оставлять г-на де Шуазеля и намерен во всем разделить его судьбу.

Тогда служащий муниципалитета приказал препроводить г-на де Ромефа в камеру к остальным арестованным.

Г-н де Шуазель сделал знак своему слуге, на которого никто не обращал внимания, и тот мгновенно испарился.

Первым делом – не будем забывать, что Джеймс Бризак был конюх, – он занялся лошадьми.

Он узнал, что лошади, целые и невредимые, находятся на постоялом дворе под охраной множества караульщиков.

Собрав сведения на этот счет, он отправился в кафе, потребовал чаю, перо и чернила и написал г-же де Шуазель и г-же де Грамон, дабы успокоить их относительно судьбы сына и племянника, которого, после того как его арестовали, можно было считать спасенным.

Однако бедняга Джеймс Бризак несколько поторопился, сообщая эту добрую новость; да, г-н де Шуазель был под арестом и находился в камере, да, его охраняла городская милиция, но у окон камеры забыли поставить пост, и через них в пленных было произведено несколько выстрелов.

Несчастливым пришлось прятаться по углам.

Такое вот достаточно опасное положение продолжалось целые сутки, и все это время г-н де Ромеф упорно отказывался оставить своих сотоварищей.

Наконец двадцать третьего июля прибыла национальная гвардия из Вердена; г-н де Ромеф добился, чтобы арестованные были переданы ей, и не покидал их, пока не получил от офицеров честного слова, что те будут охранять узников до самой передачи их в тюрьму чрезвычайного суда.

Что же до несчастного Изидора де Шарни, тело его было перенесено в дом одного ткача и похоронено людьми благочестивыми, но посторонними; в этом смысле ему повезло куда меньше, чем Жоржу, последние услуги которому оказали братские руки графа де Шарни и дружественные руки Жильбера и Бийо.

Ведь в ту пору Бийо был преданным и почтительным другом семейства Шарни. Но мы видели, как дружба, преданность и почтительность переродились в ненависть, и ненависть эта была столь же беспощадна, сколь глубоки были давняя дружба, преданность и почтительность.

Глава IV

Крестный путь

Тем временем королевская семья продолжала свой путь к Парижу, путь, который мы вполне можем назвать крестным.

Увы, у Людовика XVI и Марии-Антуанетты тоже была своя Голгофа! Но искупили ли они жестокими страстными муками грехи монархии, как искупил Иисус Христос грехи рода людского? Прошлые эту проблему еще не разрешили, но, возможно, будущее прояснит ее.

Ехали медленно, так как лошади, применяясь к эскорту, могли идти только шагом, а в эскорте, состоявшем в большинстве своем из мужчин, вооруженных, как мы уже говорили, вилами, ружьями, косами, саблями, пиками, цепями, имелось немалое число женщин и детей; женщины поднимали детей над головой, чтобы показать им короля, которого насильно возвращают в его столицу и которого, не случись этого, они, вероятно, никогда бы и не увидели.

Среди этой толпы, шедшей по обе стороны дороги, большая королевская карета и следующий за нею кабриолет, где ехали г-жа Брюнье и г-жа де Невиль, казались терпящим бедствие кораблем с плывущей за ним на буксире шлюпкой, которых вот-вот поглотят яростные волны.

Время от времени происходило что-нибудь неожиданное, и – да будет нам позволено сравнить – буря набирала новую силу. Крики, проклятия, угрозы становились громче; людские волны бурлили, вздымались, опадали, взбухали, словно прилив, и порой целиком скрывали корабль, с великим трудом разрезающий их своим форштевнем, – корабль вместе с несчастными, отчаявшимися пассажирами и тянувшейся на буксире утлой шлюпкой.

Когда прибыли в Клермон, эскорт, хотя пройдено было около четырех лье, ничуть не уменьшился, поскольку на смену тем, кого дела звали домой, из окрестностей сбегались новые люди, желающие в свой черед насладиться зрелищем, которым пресытились их предшественники.

Из всех узников передвижной тюрьмы двое особенно были подвержены ярости толпы и являлись мишенью для угроз – оба гвардейца, сидящих на широких козлах кареты. Для народа это был способ уязвить королевскую семью, объявленную Национальным собранием неприкосновенной; то в грудь молодым людям направлялись штыки, то над их головами взлетала коса, которая вполне могла оказаться косою смерти, а то чья-нибудь пика, подобно коварной змее, проскальзывала к ним, стремительно жалила своим острием живую плоть и столь же стремительно отдергивалась, дабы хозяин оружия мог убедиться, что жало стало влажным и красным, и порадоваться, что не промахнулся.

Внезапно все с удивлением увидели, как какой-то человек без оружия, без шляпы, в покрытой грязью одежде прорезал толпу, отдал почтительный поклон королю и королеве, вспрыгнул на передок кареты и сел между обоими телохранителями.

Королева вскрикнула, и в этом крике смешались страх, радость и скорбь.

Она узнала Шарни.

Испугалась она, так как Шарни проделал это у всех на глазах с беспримерной дерзостью, и только чудом можно объяснить, что он не поплатился ни единой раной.

Обрадовалась она, так как была счастлива убедиться, что он не стал жертвой неведомых опасностей, какие могли встретиться ему при бегстве и казавшихся куда более грозными, чем они были на самом деле, поскольку Мария-Антуанетта, не имея возможности в точности определить ни одну из них, могла вообразить все сразу.

А скорбь она ощутила, так как поняла, что, раз Шарни возвратился один и в таком виде, придется отказаться от всякой надежды на помощь г-на де Буйе.

Впрочем, толпа, удивленная его дерзостью и, похоже, именно по причине этой дерзости, прониклась к нему уважением.

Бийо, ехавший верхом во главе процессии, обернулся, услышав шум, поднявшийся вокруг кареты, и узнал Шарни.

– Я рад, что с ним ничего не случилось, – бросил он, – но горе безумцу, который попробует повторить что-нибудь в том же роде: он поплатится за двоих.

Около двух пополудни добрались до Сент-Мену.

Бессонная ночь, предшествовавшая бегству, вкупе с усталостью и тревогами прошедшей ночи подействовали на все королевское семейство, а особенно на дофина. На подъезде к Сент-Мену бедного мальчика терзала страшная лихорадка.

Король приказал сделать остановку.

К несчастью, из всех городов, находящихся на пути, Сент-Мену, пожалуй, был враждебней всего настроен к привезенному в него арестованному семейству.

Приказ короля пропустили мимо ушей, а Бийо отдал другой приказ: перепрячь лошадей. Его исполнили.

Дофин плакал и спрашивал, захлебываясь рыданиями:

– Почему меня не раздевают и не укладывают в кровать, ведь я же заболел?

Королева не смогла выдержать его слез, и ее гордость на миг отступила.

Она подняла плачущего наследника престола и, показывая его народу, попросила:

– Господа, сжальтесь над ребенком! Остановитесь!

Но лошадей уже перепрягли.

– Пошел! – крикнул Бийо.

– Пошел! – подхватил народ.

– Сударь! – воскликнула королева, обращаясь к Бийо. – Еще раз повторю вам: наверно, у вас нет детей!

– А я, сударыня, тоже повторю вам, – угрюмо отвечал Бийо, бросив на нее мрачный взгляд, – у меня был ребенок, но теперь его больше нет.

– Что ж, сила на вашей стороне, поступайте, как вам угодно, – промолвила королева. – Но запомните: ничто так громко не вопиет к Небу, как слабый голос ребенка.

Карета и сопровождающая ее толпа тронулись в путь.

Проезд через город был ужасен. Восторг, вызванный видом Друэ, благодаря которому и произошел арест узников, должен был бы послужить для них страшным уроком, если бы короли были способны воспринимать уроки, однако в криках народа Людовик XVI и Мария-Антуанетта видели только лишь слепую злобу, а в патриотах, убежденных, что они спасают Францию, всего-навсего мятежников.

Король был ошеломлен, у королевы от унижения и ярости по лбу струился пот; Мадам Елизавета, небесный ангел, сошедший на землю, тихо молилась, но не за себя – за брата, за невестку, за племянников, за всех этих людей. Святая, она не умела отделить тех, кого воспринимала как жертв, от тех, кого рассматривала как палачей, и возносила к стопам Всевышнего мольбу за тех и за других.

При въезде в Сент-Мену людской поток, покрывший, подобно разливу, всю равнину, не мог протиснуться сквозь узкие улочки.

Бушуя, он обтекал город с обеих сторон, а поскольку в Сент-Мену задержались, чтобы сменить лошадей, на выезде он с еще большим неистовством забурлил вокруг кареты.

Король верил, что только Париж душевно растлился, и, вероятно, именно эта вера толкнула его на злополучное бегство; он надеялся на свою любезную провинцию. И вот любезная провинция не только отвернулась, но грозно обратилась против него. Эта провинция ужаснула г-на де Шуазеля в Пон-де-Сомвеле, заключила в Сент-Мену г-на де Дандуэна в тюрьму, стреляла в г-на де Дамаса в Клермоне, а совсем недавно на глазах короля убила Изидора де Шарни; она вся дружно возмутилась, узнав о бегстве короля, вся – даже тот священник, которого шевалье де Буйе сбил наземь ударом сапога.

Но король почувствовал бы себя стократ хуже, если бы мог видеть, что происходило в городках и деревнях, куда доходила весть о том, что его арестовали. В тот же миг всеми овладевало волнение; матери хватали младенцев из колыбелей, тащили за руку детей, уже умеющих ходить, мужчины брались за оружие – любое, какое было у них, – и шли, исполненные решимости, нет, не конвоировать, но убить короля; короля, который во время жатвы – убогой жатвы в нищей Шампани в окрестностях Шалона, а она всегда была настолько нищей, что сами жители весьма выразительно называли ее вшивой Шампанью, – явился для того, чтобы скудный урожай втоптали в землю кони грабителей-пандуров² и разбойников-гусар; но у королевской кареты было три ангела-хранителя: больной, дрожащий от озноба на материнских коленях ребенок-дофин; принцесса Мария Тереза, ослепляющая красотой, присущей рыжеволосым людям, которая стояла у дверце кареты, глядя на все происходящее вокруг изумленным, но твердым взором; наконец, Мадам Елизавета, которой уже исполнилось двадцать семь лет, однако телесное и душевное целомудрие окружало ее чело нимбом непорочно-чистой юности. Люди смотрели на них, видели королеву, склонившуюся над сыном, видели подавленного короля, и ярость их уходила, ища другой предмет, на который могла бы излиться. Она обрушивалась на телохранителей, и толпа оскорбляла их, обзывая их – благородных и преданных! – подлецами и предателями; к тому же на возбужденные головы людей из народа, по большей части непокрытые и разгоряченные скверным вином, что они пили в дешевых кабачках, струило свой жар стоящее в зените июньское солнце, и лучи его порождали некую огненную радугу в меловой пыли, которую подняла бредущая по дороге бесчисленная толпа.

А что сказал бы король, возможно еще питавший иллюзии, ежели бы знал, что некий человек вышел из Мезье с ружьем на плече, намереваясь убить его, за три дня проделал шестьдесят лье, пришел в Париж, увидел там его такого жалкого, несчастного, униженного, что покачал головой и отказался от своего намерения?

Что сказал бы он, когда бы знал про некоего подмастерья столяра, который был уверен, что короля после бегства немедленно предадут суду и казнят, и потому пошел из Бургундии в Париж, чтобы присутствовать при суде и казни? По пути владелец столярной мастерской растолковал ему, что это дело долгое и произойдет не сразу, предложил погостить у себя; молодой подмастерье остался у него и женился на его дочери³.

То, что видел Людовик XVI, было, наверное, куда более впечатляюще, но не столь ужасно, поскольку, как мы уже упоминали, утроенный щит невинности защищал его от злобы народа и отражал ее на его слуг.

После того как выехали из Сент-Мену, примерно в полулье от города, толпа увидела, что по полям во весь опор скачет старый дворянин, кавалер ордена Святого Людовика: орденский крест был у него в петлице; поначалу народ решил, что тот примчался сюда из простого любопытства, и расступился перед ним. Старик со шляпой в руке приблизился к дверце кареты и отдал поклон королю и королеве, титулуя их величествами. Народ, только что осознавший, у кого подлинная сила и истинное величие, возмущился, оттого что его пленникам отдается титул, который по справедливости принадлежит ему; послышались ропот и угрозы.

Король уже научился распознавать этот ропот; он слышал его вокруг дома в Варенне и понимал, что он означает.

– Сударь, – обратился он к старому кавалеру ордена Святого Людовика, – королева и я тронуты знаками почтения, которые вы столь публично выказали нам, но, ради бога, уезжайте отсюда: ваша жизнь в опасности!

² Так во Франции называли наемников-хорватов, состоящих на службе во французской армии.

³ Оба этих эпизода поведал Мишле, историк поэтичный и живописный. Он даже называет имена этих двух людей: монументальность его творения позволяет ему это сделать. – *Примеч. авт.*

– Моя жизнь принадлежит королю, – отвечал старик, – и, если я умру за своего государя, мой последний день будет самым счастливым в моей жизни.

Кое-кто из народа слышал эти слова, и ропот усилился.

– Уезжайте, сударь, уезжайте! – воскликнул король и, высунувшись из кареты, обратился к народу: – Друзья мои, прошу вас, пропустите господина де Дампьера.

Те, кто стоял около кареты и расслышал просьбу короля, повиновались и расступились. К несчастью, чуть дальше всадник и лошадь были стиснуты толпой. Всадник горячил лошадь уздой и шпорами, однако толпа была настолько плотная, что даже при всем желании не могла бы пропустить его. Началась давка, закричали женщины, заплакал испуганный ребенок, мужчины грозили кулаками, а упрямый старик вдобавок показал хлыст; угрозы сменились ревом, и это означало, что народ разъярился, подобно льву. Г-н де Дампьер был уже на краю этого людского леса; он пришпорил коня, тот перепрыгнул через придорожную канаву и помчался по полю. И тогда старик-дворянин обернулся, сорвал с головы шляпу и крикнул:

– Да здравствует король!

То была его последняя почесть своему королю, но и последнее оскорбление народу.

Раздался ружейный выстрел.

Старик выхватил из седельной кобуры пистолет и ответил на выстрел выстрелом.

В тот же миг все, у кого оружие было заряжено, принялись палить в безумца.

Изрешеченная пулями лошадь рухнула наземь.

Убил или только ранил старого дворянина чудовищный залп? Этого никто не знает. Толпа, подобно лавине, устремилась к тому месту, где упали всадник и конь, а удалились они от королевской кареты не более чем на полусотню шагов; на этом месте началась сутолока, которая обычно бывает вокруг трупов, какое-то беспорядочное, хаотическое движение, слышались крики и проклятия, и вдруг над толпой взметнулась пика с насаженной на нее седо-власой головой.

То была голова несчастного шевалье де Дампьера.

Королева вскрикнула и откинулась на сиденье.

– Звери! Изверги! Чудовища! – зарычал Шарни.

– Замолчите, господин граф, – сказал Бийо, – иначе я не ручаюсь за вашу безопасность.

– И пусть! – ответил Шарни. – Мне надоело жить. Хуже того, что произошло с моим несчастным братом, меня ничего не ждет.

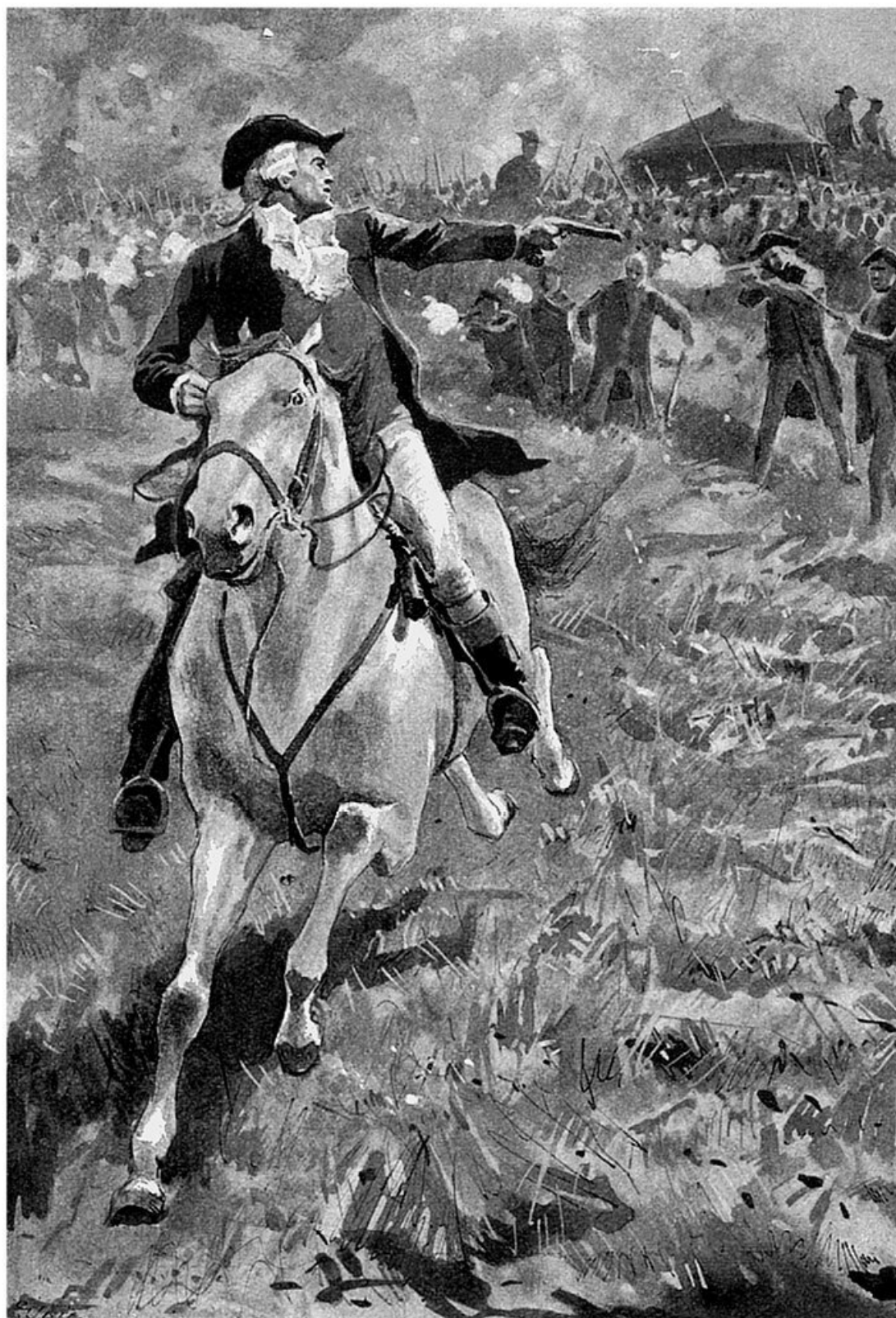
– Ваш брат был виновен, – заметил Бийо, – а вы нет.

Шарни хотел спрыгнуть с козел; оба телохранителя удерживали его, а десятка два штыков нацелились ему в грудь.

– Друзья мои, – громким и властным голосом обратился Бийо к народу, – приказываю: что бы ни сделал, что бы ни сказал этот человек, ни один волос не должен упасть с его головы! Я отвечаю за него перед его женой.

– Перед его женой! – прошептала королева, вздрогнув, как будто один из штыков, грозящих Шарни, кольнул ее в сердце. – Но почему?

Да, почему? Бийо и сам бы не смог ответить. Он сослался на жену Шарни, зная, как действует это слово на людей, из которых состоит толпа: ведь все они были мужьями и отцами.

Глава V

Крестный путь

В Шалон прибыли поздно. Карета въехала во двор интендантства⁴, куда заранее были посланы курьеры, чтобы подготовить квартиры.

Двор оказался забит национальными гвардейцами и любопытными.

Пришлось удалить всех зевак, чтобы король мог выйти из кареты.

Он вышел первым, за ним королева с дофином на руках, потом Мадам Елизавета, принцесса и последней г-жа де Турзель.

Едва Людовик XVI ступил на лестницу, раздался выстрел, и пуля просвистела над ухом короля.

Что это было – попытка цареубийства или простая случайность?

– Ну вот, – произнес король, обернувшись с величайшим спокойствием, – у кого-то нечаянно разрядилось ружье. – И добавил уже громче: – Будьте внимательней, господа, а то как бы не случилось несчастья!

Шарни и оба телохранителя беспрепятственно проследовали за королевским семейством.

И все же, несмотря на злополучный выстрел, королеве сразу показалось, что атмосфера здесь куда дружественней. За воротами, перед которыми остановилась толпа, сопровождавшая их в пути, крики тоже утихли; когда королевское семейство вышло из кареты, слышался даже сочувственный шепот; на втором этаже пленников ждал обильный и пышный стол, сервированный с большим изяществом, увидев который они с удивлением переглянулись.

Там же стояли в ожидании слуги, однако Шарни потребовал, чтобы ему и обоим телохранителям была предоставлена привилегия прислуживать за столом. Это желание могло показаться странным, но граф решил не покидать короля и быть рядом с ним на случай любых возможных происшествий.

Королева прекрасно поняла его и тем не менее даже не повернулась к нему, не поблагодарила ни жестом, ни взглядом, ни словом. Слова Бийо «Я отвечаю за него перед его женой» до сих пор язвили сердце Марии-Антуанетты.

Она думала, что увезет Шарни из Франции, что он вместе с нею уйдет в изгнание, и вот они вместе возвращаются в Париж! А там он снова встретится с Андреа!

Шарни и представления не имел, что творится в сердце королевы. Он даже не подозревал, что она слышала эти слова; впрочем, у него стали возникать некоторые надежды.

Как мы уже говорили, Шарни был послан вперед, чтобы разведать дорогу, и он самым добросовестным образом исполнил эту миссию. Ему было известно, каково настроение в самой ничтожной деревушке. Ну а Шалон, старинный город, не торговый, населенный буржуа, рантье, дворянами, держался роялистских взглядов.

И вот, едва августейшие сотрапезники уселись за стол, вперед выступил принимающий их интендант департамента и, поклонившись королеве, которая, не ожидая ничего хорошего, с тревогой смотрела на него, произнес:

– Государыня, шалонские девушки умоляют милостиво позволить им преподнести вашему величеству цветы.

Изумленная королева повернулась к Мадам Елизавете, потом к королю.

– Цветы? – переспросила она.

⁴ В дореволюционной Франции резиденция и канцелярия интенданта – чиновника, назначенного королем для управления провинцией.

– Ваше величество, – стал объяснять интендант, – если момент выбран неудачно или просьба вам кажется слишком дерзкой, я распоряжусь, чтобы девушки не поднимались сюда.

– Нет, нет, сударь, напротив! – воскликнула королева. – Девушки! Цветы! Впустите их!

Интендант вышел, и через несколько секунд в приемной появились двенадцать самых красивых шалонских девушек в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет; они остановились на пороге.

– Входите, входите, дети мои! – воскликнула Мария-Антуанетта, простерев к ним руки.

Одна из девушек, выбранная не только подругами, но и родителями и городскими властями, выучила наизусть красивую речь, которую должна была произнести перед королем и королевой, но, услышав восклицание Марии-Антуанетты, увидев, как она простерла к ним руки, как взволновано все королевское семейство, бедняжка не смогла сдержать слез и сумела промолвить лишь несколько слов, исторгнутых из глубины ее сердца и выражающих общее мнение:

– О ваше величество, какое несчастье!

Королева приняла букет и расцеловала девочку.

Шарни в это время склонился к королю.

– Ваше величество, – прошептал он, – возможно, нам удастся извлечь выгоду из пребывания в этом городе, возможно, еще не все потеряно. Если ваше величество позволит мне удалиться на час, я выйду и потом дам отчет обо всем, что услышу, увижу и, быть может, смогу сделать.

– Ступайте, сударь, – ответил король, – но соблюдайте осторожность: если с вами случится несчастье, я буду неутешен. Увы, двоих убитых в одной семье и без того слишком много.

– Государь, – молвил Шарни, – моя жизнь принадлежит королю, точно так же как жизнь обоих моих братьев.

И он ушел.

Но, выходя, он утер слезу.

В присутствии королевского семейства этот человек с мужественным, но нежным сердцем старался выглядеть стойким, однако, оказываясь наедине с собой, вновь оставался лицом к лицу со своим горем.

– Бедный Изидор! – прошептал Шарни.

Он прижал руку к груди, проверяя, в кармане ли у него бумаги, которые г-н де Шуазель обнаружил на трупе Изидора и передал ему; Шарни пообещал себе, что, как только выдастся спокойная минута, прочтет их с таким же благоговением, как если бы то было завещание брата.

За девушками, которых принцесса расцеловала как сестер, последовали их родители; это, как мы уже упоминали, были почтенные буржуа и местные дворяне; они робко вошли и смиренно попросили милостиво дозволить им приветствовать своих униженных монархов. Как только они появились, король встал, а королева ласково произнесла:

– Входите же!

Где это происходило – в Шалоне или в Версале? И неужели всего несколько часов назад царственные пленники собственными глазами видели, как толпа прикончила несчастного г-на де Дампьера?

Примерно через полчаса вернулся Шарни.

Королева видела, как он уходил и как возвратился, но даже самый проницательный взор не мог бы прочесть на ее лице, как отзывался в ее сердце его приход и уход.

– Ну что? – наклонясь к Шарни, осведомился король.

– Ваше величество, – отвечал граф, – все складывается как нельзя лучше. Национальная гвардия предлагает завтра проводить ваше величество в Монмеди.

– Значит, вы о чем-то договорились? – спросил король.

– Да, ваше величество, с командирами. Завтра перед выездом король скажет, что желает послушать заутреню, отказать в этой просьбе будет невозможно, тем паче что завтра праздник Тела Господня. Карета будет ждать короля у дверей церкви; выйдя, король сядет в карету, раздастся крик «виват!», и король отдаст приказ изменить маршрут и ехать в Монмеди.

– Прекрасно, – одобрил Людовик XVI. – Благодарю вас, господин де Шарни. Если до завтра ничего не изменится, мы все сделаем так, как вы говорите. А пока пойдите отдохните: вы и ваши друзья нуждаетесь в отдыхе еще больше, чем мы.

Как можно догадаться, прием девушек, добрых буржуа и преданных дворян не затянулся до поздней ночи; в девять королевское семейство попрощалось с ними.

У дверей своих покоев король и королева увидели часового и вспомнили, что они – пленники.

Тем не менее часовой сделал королю и королеве «на караул».

По тому, как он чисто проделал этот артикул, отдавая почесть пусть пленному, но все же королевскому величеству, Людовик XVI признал в нем старого солдата.

– Вы где служили, друг мой? – спросил король часового.

– Во французской гвардии, государь, – отрапортовал тот.

– В таком случае я ничуть не удивлен, что вы здесь, – холодно заметил король.

Людовик XVI не мог забыть, что уже 13 июля 1789 года французские гвардейцы перешли на сторону народа.

Король и королева ушли к себе. Часовой стоял у дверей спальни.

Через час, сменившись с поста, часовой попросил разрешения поговорить с начальником конвоя. Им был Бийо.

Он как раз на улице ужинал с жителями окрестных деревень, присоединившимися к нему по дороге, и пытался уговорить их остаться до завтра.

Но в большинстве своем эти люди увидели то, что хотели увидеть, то есть короля, и чуть ли не половина из них собиралась встретить праздник Тела Господня в своих деревнях.

Бийо старался удержать их: его тревожили роялистские настроения в городе.

Но славные поселяне ответили:

– Ежели мы не возвратимся к себе, как нам отпраздновать Божий праздник? Кто украсит наши дома?

Во время этого разговора к Бийо и подошел часовой.

Они потолковали – тихо, но весьма оживленно.

После этого Бийо послал за Друэ.

Состоялась негромкая беседа втроем – такая же оживленная и с такой же пылкой жестикуляцией.

После нее Бийо и Друэ направились к хозяину почтовой станции, приятелю Друэ.

Хозяин почтовой станции велел оседлать двух лошадей, и через десять минут Бийо скакал в Реймс, а Друэ в Витри-ле-Франсуа.

Наступило утро; из вчерашнего многочисленного эскорта осталось, дай бог, человек шестьсот – самых озлобленных или самых ленивых; они переночевали на улицах на принесенной им соломе. Проснувшись с первыми лучами солнца, они имели возможность наблюдать, как в интендантство прошли с десятков людей в мундирах и через минуту скорым шагом вышли оттуда.

В Шалоне находилась на квартирах часть гвардейской роты, стоящей в Вильруа, и десятков с небольшим гвардейцев еще оставались в городе.

Они как раз и явились к Шарни за распоряжениями.

Шарни велел им быть в полной форме верхом у церкви, когда оттуда выйдет король.

Как мы уже говорили, кое-кто из крестьян, сопровождавших вчера короля, заночевал по лености в городе, однако утром они прикинули, сколько лье до их деревень; у кого-то вышло десять, у кого-то пятнадцать, и в количестве около двух сотен они отправились по домам, хотя сотоварищи уговаривали их остаться.

Таким образом, число ожесточенных врагов короля сократилось до четырехсот, самое большее четырехсот пятидесяти человек.

Примерно столько же, если не больше, было национальных гвардейцев, верных королю, не говоря уже о королевской гвардии и офицерах, из которых можно было сформировать нечто наподобие священной когорты, готовой грудью встретить любую опасность и тем самым подать пример остальным.

Кроме того, было известно, что город на стороне аристократов.

С шести часов утра самые ярые приверженцы роялизма среди жителей города стояли в ожидании во дворе интендантства. Шарни и гвардейцы были среди них и тоже ждали.

Король проснулся в семь и объявил о своем желании сходить к заутрене.

Стали искать Друэ и Бийо, чтобы сообщить им о желании короля, но ни того ни другого отыскать не удалось.

Так что никаких причин отказать королю в исполнении его желания не было.

Шарни поднялся к Людовику XVI и сообщил, что оба – и Бийо, и Друэ – исчезли.

Король обрадовался, но Шарни только покачал головой: если Друэ он не знал, то уж Бийо знал отлично.

Тем не менее все предзнаменования можно было счесть удачными. Улицы кишели народом, но по всему было видно, что горожане на стороне короля. Поскольку ставни в спальнях

короля и королевы были закрыты, толпа, не желая тревожить сон царственных пленников, старалась вести себя как можно тише и ходить как можно неслышней; люди лишь возносили руки и возводили глаза к небу; горожан было так много, что четыре с половиной сотни окрестных крестьян, не пожелавших возвратиться в свои деревни, совершенно затерялись среди них.

Чуть только ставни на окнах спален августейших супругов открылись, раздались крики «Да здравствует король!», «Да здравствует королева!», и в них звучало такое воодушевление, что Людовик XVI и Мария-Антуанетта вышли, как если бы они мысленно сговорились, каждый на свой балкон.

Все голоса слились в единый хор, и обреченная судьбой королевская пара в последний раз могла предаться иллюзиям.

– Вот видите, – обратился со своего балкона Людовик XVI к Марии-Антуанетте, – все идет наилучшим образом!

Мария-Антуанетта возвела глаза к небу и ничего не ответила.

Колокольный звон возвестил, что церковь открыта.

Почти в ту же секунду Шарни легонько постучался в дверь.

– Я готов, сударь, – объявил король.

Шарни бросил на него быстрый взгляд; король был спокоен и, пожалуй, тверд; на его долю выпало уже столько страданий, что под их воздействием он избавился от своей нерешительности.

У входа ждала карета.

Король, королева и все их семейство сели в нее; карету окружала толпа, почти столь же многочисленная, как и вчера, однако, в отличие от вчерашней, она не оскорбляла пленников, напротив, люди ловили их взгляд, просили сказать хоть слово, были счастливы прикоснуться к поле королевского камзола и гордились, если им удавалось поцеловать край платья королевы.

Трое офицеров заняли места на козлах.

Кучеру было велено ехать к церкви, и он беспрекословно подчинился.

Впрочем, кто мог отдать другой приказ? Бийо и Друэ все так же отсутствовали.

Шарни осматривался, ища их, однако нигде не видел.

Подъехали к церкви.

Крестьяне постепенно окружили карету, но с каждой минутой число национальных гвардейцев возрастало, на каждом углу они целыми группами присоединялись к процессии.

Когда подъехали к церкви, Шарни прикинул, что в его распоряжении около шестисот человек.

Для королевского семейства оставили места под неким подобием балдахина, и, хотя было всего восемь утра, священники начали торжественное богослужение.

Шарни был обеспокоен; он ничего так не боялся, как опоздания: малейшая задержка могла оказаться смертоносной для начавшейся возрождаться надежды. Он велел предупредить священника, что служба ни в коем случае не должна длиться более четверти часа.

– Я понял, – попросил передать священник, – и буду молить Бога, дабы он ниспослал его величеству благополучное путешествие.

Служба длилась ровно столько, сколько было условлено, и тем не менее Шарни раз двадцать вынимал часы; король тоже не мог скрыть нетерпения; королева, стоявшая на коленях между обоими своими детьми, оперла голову на подушку молитвенной скамеечки; только Мадам Елизавета была спокойна и безмятежна, словно мраморное изваяние Пресвятой Девы, то ли оттого, что не знала о планах спасения, то ли оттого, что вручила свою жизнь и жизнь брата в руки Господа; она не выказывала ни малейших признаков беспокойства.

Наконец священник обернулся и произнес традиционную формулу: «*Ita, missa est*»⁵.

⁵ Служба окончена (*лат.*).

Держа в руках дароносицу, он спустился по ступенькам алтаря и благословил, проходя, короля и его присных.

Они же склонили головы и в ответ на пожелание, идущее из самого сердца священника, тихонько ответили:

– Аминь!

После этого королевское семейство направилось к выходу.

Все, кто слушал вместе с ними службу, опустили на колени, беззвучно шевеля губами, но было нетрудно догадаться, о чем безмолвно молятся эти люди.

Около церкви находилось более десятка конных гвардейцев.

Роялистский эскорт становился все многочисленней.

И тем не менее было очевидно, что крестьяне с их упорством, с их оружием, быть может не столь смертоносным, как оружие горожан, но весьма грозным на вид – треть из них была вооружена ружьями, а остальные косами и пиками, – могут в решающий момент роковым образом склонить чашу весов.

Видимо, Шарни испытывал подобные опасения, когда, желая подбодрить короля, к которому обратились за распоряжениями, наклонился к нему и произнес:

– Вперед, государь!

Король был настроен решительно.

Он выглянул из дверцы и обратился к тем, кто окружал карету:

– Господа, вчера надо мной было совершено насилие. Я приказал ехать в Монмеди, меня же силой повезли во взбунтовавшуюся столицу. Но вчера я был среди мятежников, а сегодня – среди верных подданных, и потому я повторяю: в Монмеди, господа!

– В Монмеди! – крикнул Шарни.

– В Монмеди! – закричали гвардейцы роты, расквартированной в Вильруа.

– В Монмеди! – подхватила национальная гвардия Шалона.

И тотчас все голоса слились в общем крике: «Да здравствует король!»

Карета повернула за угол и покатила тем же путем, по какому приехала, но в обратном направлении.

Шарни не выпускал из виду крестьян; похоже, в отсутствие Друэ и Бийо ими командовал тот самый французский гвардеец, что стоял на посту у дверей королевской спальни; он без особого шума направлял движение всех этих людей, чьи мрачные взгляды свидетельствовали, что происходящее им не по душе.

Они дали пройти национальной гвардии и пристроились за нею в арьергарде.

В первых рядах шагали те, у кого были пики, вилы и косы.

За ними следовали примерно сто пятьдесят человек, вооруженных ружьями.

Маневр этот, исполненный весьма умело, как если бы его производили люди, поднатренированные в строевых учениях, весьма обеспокоил Шарни, однако у него не было возможности воспрепятствовать ему; более того, оттуда, где он находился, он даже не мог потребовать объяснений.

Но вскоре все объяснилось.

По мере продвижения к городской заставе все больше возникало ощущение, что сквозь стук колес кареты, сквозь шум шагов и крики сопровождающих пробивается какая-то глухая дробь и становится все явственней и громче.

Вдруг Шарни побледнел и положил руку на колено сидящего рядом гвардейца.

– Все погибло! – сказал он.

– Почему? – удивился тот.

– Вы не узнаете этот звук?

– Похоже на барабан... Ну и что такого?

– Сейчас увидите, – ответил Шарни.

Карета повернула и выехала на площадь.

На эту площадь выходили Реймсская улица и улица Витри-ле-Франсуа.

И по ним шагали – с развернутыми знаменами, с барабанщиками впереди – два больших отряда национальной гвардии.

В одном было около тысячи восьмисот человек, в другом от двух с половиной до трех тысяч.

По всем признакам этими отрядами командовали два человека, сидящие верхом на конях.

Одним из них был Друэ, вторым Бийо.

Шарни не было нужды определять направление, откуда прибыли эти отряды: ему и без того было все ясно.

Теперь стала совершенно понятна причина необъяснимого исчезновения Друэ и Бийо.

Вероятно предупрежденные о том, что затевается в Шалоне, они разъехались: один – чтобы поторопить прибытие национальной гвардии из Реймса, второй – чтобы привести национальных гвардейцев из Витри-ле-Франсуа.

Выполнили они это все весьма согласованно и прибыли вовремя.

Друэ и Бийо приказали своим людям остановиться на площади, наглухо перегородив ее.

После этого без всяких околичностей они скомандовали зарядить ружья.

Кортеж остановился.

Король выглянул из кареты.

Шарни стоял бледный, стиснув зубы.

– В чем дело? – осведомился у него Людовик XVI.

– Дело в том, государь, что наши враги получили подкрепление и ружья у него, как вы сами видите, заряжены, а за спиной шалонской национальной гвардии находятся крестьяне, и ружья у них тоже заряжены.

– И что вы обо всем этом думаете, господин де Шарни?

– Думаю, государь, что мы оказались между двух огней. Но это вовсе не означает, что вы не поедете дальше, если того пожелаете, правда я не знаю, как далеко ваше величество сможет уехать.

– Понятно, – промолвил король. – Поворачиваем.

– Ваше величество, это ваше твердое решение?

– Господин де Шарни, за меня пролилось уже слишком много крови, и я горько оплакиваю ее. Я не хочу, чтобы пролилась еще хотя бы капля... Поворачиваем.

При этих словах двое молодых людей спрыгнули с козел и бросились к дверце кареты, к ним присоединились гвардейцы роты, стоящей в Вильруа. Отважные и пылкие воины, они рвались вступить в бой вместе с горожанами, но король с небывалой для него твердостью повторил приказание.

– Господа! – громко и повелительно крикнул Шарни. – Поворачиваем! Так велит король!

И, взяв одну из лошадей под уздцы, он сам стал разворачивать тяжелую карету.

У Парижской заставы шалонская национальная гвардия, в которой отпала надобность, уступила свое место крестьянам, а также национальным гвардейцам из Реймса и Витри.

– Вы считаете, я поступил правильно? – осведомился Людовик XVI у Марии-Антуанетты.

– Да, – ответила она, – только я нахожу, что господин де Шарни с большой охотой подчинился вам.

И королева впала в мрачную задумчивость, не имевшую ни малейшего отношения к тому ужасающему положению, в котором оказалась королевская семья.

Глава VI

Крестный путь

Королевская карета уныло катила по дороге в Париж под надзором двух угрюмых людей, которые только что принудили ее изменить направление, и вдруг между Эперне и Дорманом Шарни, благодаря своему росту и высоте козел, на которых сидел, заметил, что навстречу им из Парижа скачет во весь опор карета, запряженная четверкой почтовых лошадей.

Шарни тут же предположил, что либо эта карета везет им какую-то неприятную весть, либо в ней находится некая важная персона.

Действительно, когда она приблизилась к авангарду конвоя, ряды его после недолгих переговоров расступились, давая проезд карете, и национальные гвардейцы, составляющие авангард, приветствуя прибывших, сделали «на караул».

Берлина короля остановилась.

Со всех сторон зазвучали крики: «Да здравствует Национальное собрание!»

Карета, примчавшаяся из Парижа, подъехала к королевской берлине.

Из кареты вылезли трое мужчин, двое из которых были совершенно неизвестны августейшим пленникам.

Когда же в дверях показался третий, королева шепнула на ухо Людовику XVI:

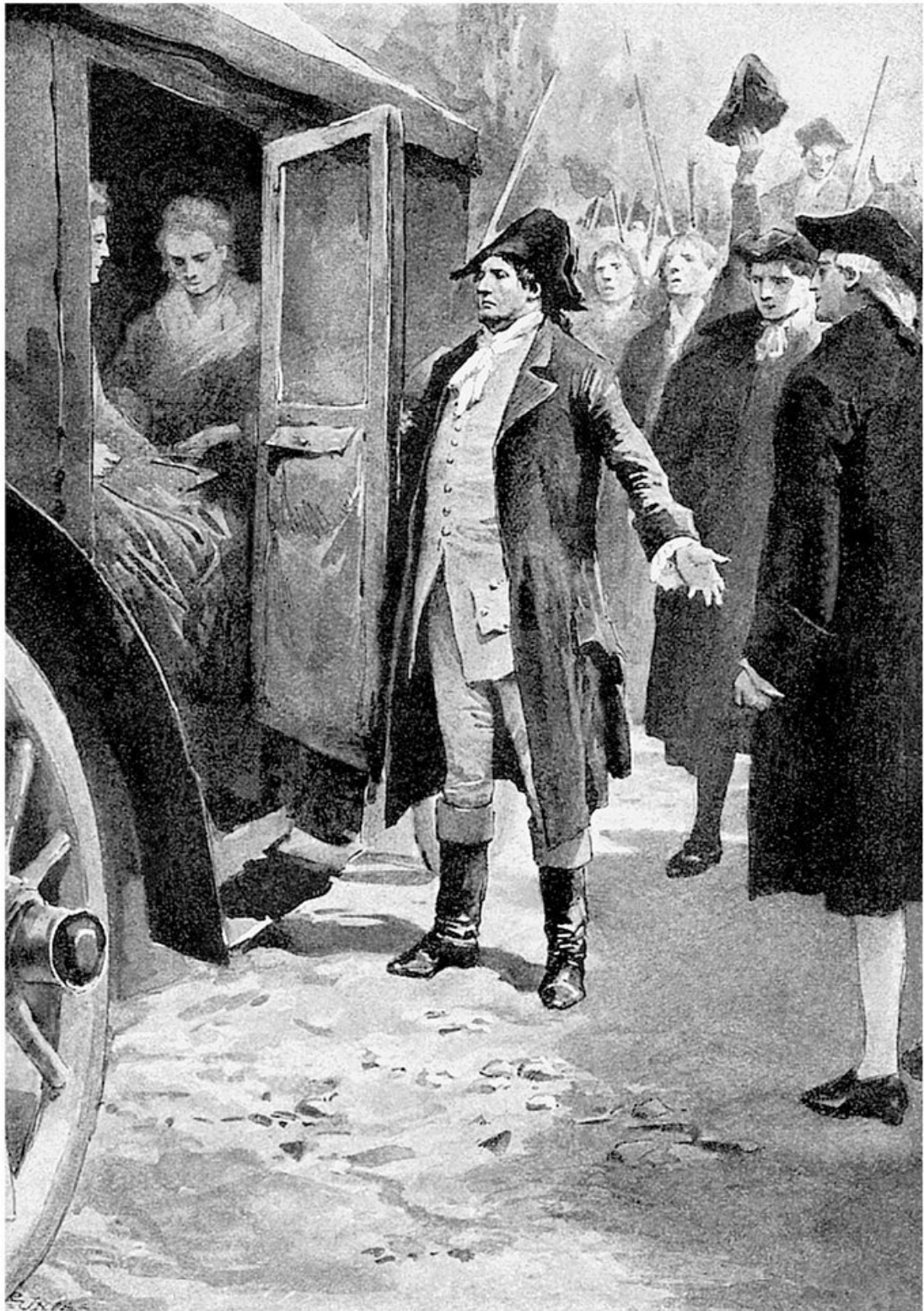
– Господин де Латур-Мобур, прихвостень де Лафайета. – И, покачав головой, добавила: – Ничего хорошего это нам не сулит.

Самый старший из этой троицы подошел и, грубо распахнув дверцу королевской кареты, объявил:

– Я Петион, а это господа Барнав и Латур-Мобур, посланные, как я и вместе со мной, Национальным собранием сопровождать вас и проследить, чтобы народ в праведной ярости не учинил над вами самосуд. Потеснитесь и дайте нам сесть.

Королева бросила на депутата из Шартра один из тех презрительных взглядов, от каких она порой просто не могла удержаться и в каких выражалась вся надменность дочери Марии Терезии.

Г-н де Латур-Мобур, шаркун школы де Лафайета, не смог выдержать этого взгляда.

– Их величествам и без того тесно в карете, – сказал он, – и я поеду в экипаже свиты.

– Езжайте, где вам угодно, – отрезал Петийон, – что же до меня, мое место в карете короля и королевы, и я поеду в ней.

И он полез в карету.

На заднем сиденье сидели король, королева и Мадам Елизавета.

Петийон поочередно оглядел их.

– Прошу прощения, сударыня, – обратился он к Мадам Елизавете, – но мне, как представителю Национального собрания, положено почетное место. Соболаговолите подняться и пересестъ на переднее сиденье.

– Невероятно! – пробормотала королева.

– Сударь! – возвысил голос король.

– Прошу не спорить... Вставайте, вставайте, сударыня, и уступите мне место.

Мадам Елизавета встала и уступила место, сделав брату и невестке знак не возмущаться.

А тем временем г-н де Латур-Мобур сбежал и, подойдя к кабриолету, с куда большей галантностью, нежели это сделал Петион, обращаясь к королю и королеве, попросил у сидящих в нем дам позволить ему ехать с ними.

Барнав стоял, не решаясь сесть в берлину, в которой уже и без того теснилось семь человек.

– Барнав, а вы что не садитесь? – удивился Петион.

– Но куда? – в некотором смущении спросил Барнав.

– Не желаете ли, сударь, на мое место? – ядовито осведомилась королева.

– Благодарю вас, сударыня, – ответил уязвленный Барнав, – меня вполне устроит переднее сиденье.

Почти одновременно Мадам Елизавета притянула к себе королевскую дочь, а королева посадила на колени дофина.

Таким образом, место на переднем сиденье освободилось, и Барнав расположился напротив королевы, почти упираясь коленями в ее колени.

– Пошел! – крикнул Петион, не подумав даже спросить позволения у королевы.

И карета тронулась под крики: «Да здравствует Национальное собрание!»

Таким образом в королевскую карету в лице Барнава и Петиона влез народ.

Ну а что касается прав на это, он их получил четырнадцатого июля, а также пятого и шестого октября.

На некоторое время наступило молчание, и все, за исключением Петиона, замкнувшегося в торжественной суровости и казавшегося безразличным ко всему, принялись изучать друг друга.

Да будет позволено нам сказать несколько слов о новых действующих лицах, которых мы только что вывели на сцену.

У тридцатидвухлетнего Жерома Петиона де Вильнева были резкие черты лица, и главное его достоинство заключалось в экзальтированности, четкости и осознанности своих политических принципов. Он родился в Шартре, стал там адвокатом и в 1789 году был послан в Париж как депутат Национального собрания. Ему предстояло еще стать мэром Парижа, насладиться популярностью, которая затмит популярность Байи и Лафайета, и погибнуть в ландах близ Бордо, причем труп его будет растерзан волками⁶. Друзья называли его добродетельным Петионом. Во Франции он и Камил Демулен были республиканцами задолго до всех остальных.

Пьер Жозеф Мари Барнав⁷ родился в Гренобле, ему только-только исполнилось тридцать; делегированный в Национальное собрание, он разом добился большой известности и популярности, начав борьбу с Мирабо, когда слава и популярность депутата Экса пошла на убыль. Все, кто был врагом великого оратора, а Мирабо удостоился привилегии всякого выдающегося человека иметь в качестве врагов все посредственности, – так вот, все враги Мирабо сделались друзьями Барнава, поддерживали его, подстрекали и возвеличивали в бурных словес-

⁶ Петион принадлежал к жирондистам, группировке умеренных республиканцев. 31 мая 1792 г. жирондисты были объявлены якобинским Конвентом вне закона и в большинстве своем казнены. Петиону удалось бежать из Парижа и добраться до Бордо, в окрестностях которого он и погиб при невыясненных обстоятельствах. *Ланды* – заболоченная низменность вдоль побережья Бискайского залива.

⁷ Барнав был казнен в 1793 г. во время якобинского террора.

ных схватках, сопровождавших последний период жизни прославленного трибуна. Итак, это был – мы имеем в виду Барнава – молодой человек, которому, как мы уже говорили, только-только исполнилось тридцать, но выглядевший лет на двадцать пять, с красивыми голубыми глазами, крупным ртом, вздернутым носом и резким голосом. Впрочем, выглядел он довольно элегантно; задира и дуэлянт, Барнав смахивал на молодого офицера в партикулярном платье. С виду он казался сухим, холодным и недоброжелательным. Впрочем, на самом деле он был лучше, чем можно было судить по внешности.

Принадлежал он к партии конституционных роялистов.

Только он стал усаживаться на переднее сиденье, как Людовик XVI произнес:

– Господа, первым делом я хочу вам заявить, что в мои намерения никогда не входило покинуть королевство.

Барнав замер и уставился на короля.

– Это правда, государь? – спросил он. – В таком случае вот заявление, которое спасет Францию!

И он уселся.

И тут нечто небывалое произошло между этим буржуа, выходцем из маленького провинциального городка, и женщиной, разделяющей один из самых великих престолов в мире.

Оба они попытались читать в сердце друг у друга – не как политические противники, желающие обнаружить там государственные секреты, но как мужчина и женщина, жаждущие открыть любовные тайны.

Откуда в сердце Барнава проникло чувство, которое он ощутил, после того как в течение нескольких минут изучал Марию-Антуанетту, сверля ее взглядом?

Сейчас мы объясним и извлечем на дневной свет одну из тех заметок сердца, что принадлежат к тайным легендам истории и в дни великих судьбоносных решений оказываются на ее весах тяжелее, чем толстый том с перечнем официальных деяний.

Барнав претендовал во всем быть преемником и наследником Мирабо и внутренне был убежден, что уже стал таковым, заменив великого трибуна.

Однако существовал еще один пункт.

По общему мнению – а мы знаем, что так оно и было, – Мирабо удостоился доверия и благосклонности королевы. За той единственной беседой в замке Сен-Клу, которой он добился для переговоров, последовала целая серия тайных аудиенций, и во время них самонадеянность Мирабо граничила с дерзостью, а снисходительность королевы со слабостью. В ту эпоху в моде было не только клеветать на несчастную Марию-Антуанетту, но и верить в клевету.

Барнав же домогался во всем наследовать Мирабо, поэтому он рьяно стал добиваться, чтобы его включили в число трех комиссаров, посылаемых встречать короля.

Он добился этого и отправился в путь с уверенностью человека, знающего, что если у него не хватит таланта заставить полюбить себя, то в любом случае достанет силы, чтобы заставить ненавидеть.

Королеве достаточно было одного быстрого взгляда, чтобы по-женски все это почувствовать, если не угадать.

И еще она угадала, что сейчас заботит Барнава.

За те четверть часа, что молодой депутат просидел в карете на переднем сиденье, он неоднократно оборачивался и крайне внимательно рассматривал трех человек, сидящих на козлах; всякий раз после такого осмотра он обращал взгляд на королеву, и взгляд этот был угрюм и враждебен. Дело в том, что Барнав знал: один из троих – граф де Шарни, но ему не было известно, кто именно. А по слухам, граф де Шарни числился любовником Марии-Антуанетты.

Барнав ревновал. Пусть кто может объяснит, как это чувство родилось в сердце молодого человека, однако оно существовало.

И вот это-то угадала королева.

С того момента, как она это угадала, она стала сильнее его; она знала слабое место в броне противника, и теперь ей оставалось лишь нанести удар, точный удар.

– Государь, – обратилась она к королю, – вы слышали, что сказал тот человек, который всем тут заправляет?

– Насчет чего? – осведомился король.

– Насчет графа де Шарни.

Барнав вздрогнул.

Эта реакция не ускользнула от внимания королевы, и она чуть коснулась его коленом.

– Он, кажется, заявил, что отвечает за жизнь графа, – сказал король.

– Совершенно верно, государь, и добавил, что отвечает за его жизнь перед графиней.

Барнав полуприкрыл глаза, но внимательно слушал, стараясь не упустить ни одного слова из того, что скажет королева.

– Ну и что? – спросил король.

– Дело в том, что графиня де Шарни – моя давняя подруга мадемуазель Андреа де Таверне. Не думаете ли вы, что по возвращении в Париж следовало бы дать отпуск господину де Шарни, чтобы он успокоил жену? Он подвергался опасностям, его брат был убит за нас. Мне кажется, государь, просить графа продолжать службу при нас было бы жестоко по отношению к обоим супругам.

Барнав облегченно вздохнул и открыл глаза.

– Вы правы, сударыня, – согласился король, – хотя, честно говоря, я сомневаюсь, что господин де Шарни согласится.

– Ну что ж, в таком случае, – ответила королева, – каждый из нас сделает то, что обязан сделать: мы – предложив господину де Шарни отпуск, а господин де Шарни – отказавшись от него.

Благодаря какому-то магнетическому общению королева чувствовала, как слабеет раздражение Барнава. В то же время он, человек с благородным сердцем, понимал, сколь несправедлив был к этой женщине, и ему стало стыдно.

До сих пор он держался надменно и заносчиво, словно судья перед обвиняемой, которую он вправе судить и приговорить, и вдруг обвиняемая, отвечая на обвинение, о котором она и догадываться не могла, произнесла слова, свидетельствующие о ее невиновности или раскаянии.

Но почему о невиновности?

– У нас то преимущество, что мы не призывали господина де Шарни, – продолжала королева, – но что касается меня, должна признаться, мне сразу стало как-то спокойнее, когда я в Париже неожиданно увидела его возле кареты.

– Это правда, – согласился король, – но это лишний раз доказывает, что графа нет нужды побуждать, когда он считает, что обязан исполнить свой долг.

Да, она невиновна, тут нет никаких сомнений.

Но как Барнав мог бы искупить те подозрения, которые питал против этой женщины?

Обратиться к ней? На это Барнаву не хватало духу. Подождать, пока королева заговорит первой? Но она, вполне удовлетворенная действием, которое произвели несколько произнесенных ею слов, не собиралась заговаривать с ним.

Барнав размягчился, стал почти что ручным, он пожирал королеву взглядом, но она делала вид, будто совершенно не интересуется им.

Молодой человек пребывал в том состоянии нервного возбуждения, когда ради того, чтобы обратить на себя внимание пренебрегающей им женщины, мужчина готов совершить все двенадцать подвигов Геракла с риском надорваться уже на первом.

Он взмолился Верховному существу – в 1791 году уже не молились Богу, – прося ниспослать повод, в связи с которым он мог бы привлечь к себе царственно-безразличный взгляд этой женщины, и вдруг, словно Верховное существо услышало его мольбу, деревенский священник, ждавший на обочине проезда королевской кареты, подошел поближе, чтобы лучше видеть августейшего узника, поднял к небу полные слез глаза и, молитвенно сложив руки, промолвил:

– Государь, да хранит Господь ваше величество!

У народа уже давно, с той поры как он растерзал старого кавалера ордена Святого Людовика, голова которого до сих пор возвышалась на пике над толпой, не было ни повода, ни причины прийти в ярость.

Наконец-то такая возможность предоставилась, и народ не пожелал упустить ее.

На молитвенный жест старика, на слова, произнесенные им, народ ответил ревом, в тот же миг бросился на священника и, прежде чем Барнав вынырнул из мечтаний, повалил того на землю и растерзал бы, если бы королева не закричала Барнаву:

– Сударь, неужели вы не видите, что происходит?

Барнав поднял голову, бросил стремительный взгляд на океан, в котором только что исчез несчастный старик и бурные волны которого с ревом кипели вокруг кареты, осознал, что происходит, и, выкрикнув: «Презренные!», столь стремительно рванулся вперед, что дверца распахнулась и он непременно вывалился бы из кареты, если бы Мадам Елизавета, повинуясь первому сердечному побуждению, не ухватила его за фалду.

– Кроважадные! – выкрикивал Барнав. – Нет, вы не французы! Неужто Франция, страна храбрецов, стала страной убийц?

Возможно, обращение покажется нам несколько претенциозным, но оно было в духе времени. К тому же Барнав представлял Национальное собрание, его устами к народу обращалась верховная власть, и народ попятился: священник был спасен.

Он поднялся со словами:

– Вы сделали доброе дело, молодой человек, спасли мне жизнь. Старик будет молиться за вас.

И, осенив Барнава крестным знамением, он ушел.

Народ расступился и пропустил его, подчиняясь мановению руки и взгляду Барнава, который застыл подобно изваянию, воплощающему власть.

Когда старик удалился на безопасное расстояние, молодой депутат с самым спокойным и естественным видом вернулся в карету, словно даже не догадываясь, что только что спас человека от смерти.

– Благодарю вас, сударь, – сказала королева.

От этих слов по всему телу Барнава пробежала дрожь.

Мы прошли вместе с несчастной Марией-Антуанеттой весьма долгий период времени и можем сказать, что, наверно, она бывала красивее, но, бесспорно, никогда не была столь трогательна.

И впрямь, не царствуя как монархиня, она царствовала как мать; слева от нее был дофин, очаровательный белокурый мальчик, который с простодушием и беззаботностью, присущей ребенку, перелез с материнских коленей на колени добродетельного Петиона, и тот смягчился до такой степени, что стал играть его кудрявыми волосами; справа – принцесса-дочь, вылитый портрет матери в расцвете юности и красоты. У самой же у нее над черными глазами, над бледным челом, над пышными светлыми волосами, в которых сверкали несколько появившихся до срока серебряных нитей, говоривших молодому депутату о ее переживаниях куда красноречивей, чем самые горькие жалобы, как бы возносился, нет, не золотой королевский венец, но терновый венец страданий.

Барнав созерцал ее царственную красоту, чувствуя, что готов пасть на колени перед этим гибнущим величием, как вдруг дофин вскрикнул от боли.

Добродетельный Петион счел какую-то проказу мальчика чрезмерной и достойной наказания, а посему сильно дернул его за ухо.

Король покраснел от гнева, королева побледнела от унижения. Она протянула руки и подхватила мальчика, стоявшего между коленями Петиона, но так как Барнав сделал то же самое, дофин, поднятый четырьмя руками и притянутый к себе Барнавом, оказался на коленях у депутата.

Мария-Антуанетта хотела перенести его к себе на колени.

– Нет, – сказал дофин, – я останусь здесь.

Поскольку Барнав, заметивший это движение королевы, разжал руки, давая возможность Марии-Антуанетте взять ребенка к себе, она то ли из материнского, то ли из женского кокетства оставила дофина сидеть там, где он сидел.

И в этот миг в сердце Барнава произошло нечто непередаваемое: он ощутил и счастье, и гордость.

Ребенок стал забавляться с жабо Барнава, потом с поясом и, наконец, с пуговицами его депутатского кафтана.

Пуговицы особенно занимали маленького наследника престола: на них был выгравирован какой-то девиз.

Складывая букву с буквой, он в конце концов соединил их и прочитал по складам следующие четыре слова: «Жить свободным или умереть».

– А что это значит, сударь? – спросил он.

Барнав замешкался с ответом.

– Это значит, дружок, – объяснил Петион, – что французы дали клятву никогда больше не иметь над собой повелителя. Ты понял?

– Петион! – укоризненно воскликнул Барнав.

– В таком случае, – самым естественным образом ответил Петион, – истолкуй девиз иначе, если ты знаешь иной его смысл.

Барнав осекся. Девиз, который он до сих пор с такой гордостью носил, в нынешних обстоятельствах показался ему чуть ли не жестоким.

И тогда он, взяв руку дофина, почтительно прикоснулся к ней губами.

Королева быстрым движением смахнула слезу.

А карета, в которой разыгралась эта странная и простая до бесхитростности маленькая драма, катила под крики все растущей толпы, везя к гибели шестерых из тех восьми человек, что сидели в ней.

Прибыли в Дорман.

Глава VII

Крестный путь

Там ничего не было сделано, чтобы принять королевское семейство, и пришлось остановиться на постоялом дворе.

То ли по распоряжению Петиона, который был уязвлен тем, что ни король, ни королева ни разу не обратились к нему, то ли оттого, что постоялый двор и вправду был переполнен, для размещения августейших узников отвели три мансардные комнатухи.

Соскочив с козел, Шарни, по обыкновению, хотел подойти к королю и королеве, чтобы выслушать их приказы, но Мария-Антуанетта взглядом дала ему понять, чтобы он держался в отдалении.

Не зная причины этого указания, граф вынужден был подчиниться.

Поэтому на постоялый двор прошел Петион, на которого были возложены обязанности квартирмейстера; он не дал себе даже труда выйти оттуда и послал слугу сообщить, что комнаты для королевского семейства готовы.

Барнав был в сильнейшем затруднении; он умирал от желания предложить королеве руку, но боялся, что она, некогда так высмеивавшая этикет в лице г-жи де Ноайль, сошлется на него и он, Барнав, что называется, сядет в лужу.

Поэтому он решил выждать.

Первым из кареты вылез король, опираясь на руки гвардейцев г-д де Мальдена и де Валори. Шарни, как мы уже знаем, послушный знаку, сделанному ему королевой, держался в отдалении.

Затем вышла королева и протянула руки, чтобы ей подали дофина, но мальчик, как бы чувствуя, что матери хочется, чтобы он приласкался к Барнаву, сказал:

– Нет, я хочу остаться с моим другом Барнавом.

Мария-Антуанетта, разрешая, кивнула, и легкая улыбка чуть тронула ее губы. Барнав пропустил Мадам Елизавету и принцессу, после чего вылез, держа на руках дофина.

За ним последовала г-жа де Турзель, горевшая желанием перенять своего августейшего питомца из недостойных рук, но еще один знак королевы пригасил аристократическое рвение воспитательницы королевских детей.

Королева поднималась по грязной винтовой лестнице, опираясь на руку супруга.

На втором этаже она остановилась, полагая, что, пройдя два десятка ступенек, завершила путь, но слуга сверху крикнул:

– Выше, выше!

Следуя этому приглашению, королева продолжала подъем.

Барнава от стыда бросило в пот.

– Как так – выше? – возмутился он.

– Здесь, на втором, – объяснил слуга, – столовая и комнаты господ членов Национального собрания.

У Барнава потемнело в глазах. Комнаты второго этажа Петион занял для себя и своих сотоварищей, а королевское семейство загнал на третий!

Тем не менее молодой депутат промолчал, но, опасаясь возмущения королевы, когда она, поднявшись на третий этаж, увидит отведенные ей и ее семье комнаты, он поставил дофина на лестничную площадку.

– Государыня! Государыня! – закричал наследник престола матери. – Мой друг Барнав уходит!

– И правильно делает, – смеясь, ответила королева, бросив беглый взгляд на королевские апартаменты.

Эти апартаменты, как мы уже говорили, состояли из трех сообщающихся между собой комнатушек.

Первую из них заняла королева вместе с принцессой, вторая досталась Мадам Елизавете, дофину и г-же де Турзель, а третью, крохотную каморку с нишей, в которой была дверь, выходящая на лестницу, занял король.

Людовик XVI очень устал и решил до ужина немножко прилечь. Однако кровать оказалась такой короткой, что через несколько минут он вынужден был встать, открыть дверь и попросить принести стул.

Г-да де Мальден и де Валори уже находились на своем посту на лестнице. Г-н де Мальден, который оказался ближе, спустился, взял в столовой стул и принес его королю.

Людовик XVI, в комнате которого был еще один деревянный стул, приставил стул, принесенный г-ном де Мальденом, к кровати, чтобы ему было куда положить ноги.

– О государь! – воскликнул г-н де Мальден, горестно качнув головой. – Вы собираетесь провести на этой кровати ночь?

– Разумеется, сударь, – ответил король и добавил: – Впрочем, если все, что мне кричали о бедности моего народа, правда, сколько моих подданных были бы счастливы, имей они такую каморку, такую кровать и пару таких стульев!

И он вытянулся на этом импровизированном ложе, как бы предваряя долгие страдания в тюрьме Тампль.

Через некоторое время их величествам доложили, что кушать подано.

Король спустился вниз и увидел на столе шесть приборов.

– А почему шесть? – удивился он.

– Ну как же, – принялся объяснять слуга. – Один для короля, один для королевы, один для Мадам Елизаветы, один для принцессы, один для дофина и один для господина Петиона.

– А почему тогда нет приборов для господ Барнава и Латур-Мобура? – поинтересовался король.

– Они были, государь, – отвечал слуга, – но господин Барнав велел их убрать.

– И оставить прибор господина Петиона?

– Нет, это сам господин Петион настоял, чтобы его прибор оставили.

В этот миг в дверях появилась исполненная важности, нет, даже не важности, а суровости физиономия депутата от Шартра.

Король сделал вид, будто не видит его, и объявил слуге:

– Я сяду за стол только со своей семьей. Мы едим либо в семейном кругу, либо с теми, кого мы сами приглашаем. В противном случае мы вообще не будем есть.

– Я знал, – вступил Петион, – что ваше величество забыли первую статью Декларации прав человека⁸, но надеялся, что вы хотя бы притворитесь, что помните ее.

Король опять же сделал вид, будто не слышит Петиона, и взглядом приказал слуге убрать прибор.

Слуга исполнил приказ. Разъяренный Петион удалился.

– Господин де Мальден, – велел король, – закройте двери, чтобы мы остались в своем кругу.

Г-н де Мальден исполнил приказ, и Петион имел возможность услышать, как за его спиной захлопнулась дверь.

Вот так король поужинал со своей семьей.

Прислуживали ему, как обычно, оба гвардейца.

⁸ «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе».

Шарни же так и не появился; не будучи больше слугой, он продолжал оставаться рабом королевы.

Правда, в иные моменты такая пассивная покорность уязвляла королеву как женщину. В продолжение всего ужина обеспокоенная Мария-Антуанетта искала глазами Шарни. Ей очень хотелось, чтобы, поначалу подчинившись, он наконец послушался ее.

Когда король, отужинав, отодвинул стул, собираясь встать из-за стола, отворилась дверь, ведущая в гостиную, и появился слуга, который от имени Барнава попросил их величеств соблаговолить сменить апартаменты и занять комнаты на втором этаже.

Людовик XVI и Мария-Антуанетта переглянулись. Вероятно, им, храня достоинство, следовало бы отвергнуть любезность одного, дабы наказать за хамство другого. Похоже, король и собирался это сделать, но дофин помчался в гостиную, крича:

– Где мой друг Барнав?

Королева последовала за дофином, а король за королевой.

В гостиной Барнава не было.

Из гостиной королева перешла в комнаты. Их было три, как и на верхнем этаже.

Они, конечно, выглядели не изысканно, но, во всяком случае, опрятно. Горели свечи, правда, в медных канделябрах, но зато их было в достатке.

В пути королева несколько раз вскрикивала от восторга при виде цветущих садов; комната королевы оказалась в изобилии убрана самыми роскошными цветами лета, но окна были раскрыты, чтобы в ней не застаивались терпкие ароматы; на окнах висели муслиновые занавески, не позволявшие нескромному взору следить за августейшей пленницей.

Обо всем этом позаботился Барнав.

Несчастливая королева испустила вздох: шесть лет назад подобные заботы брал на себя Шарни.

Кстати, Барнав оказался настолько деликатен, что не появился, дабы выслушать благодарность.

Вот так же поступал и Шарни.

Но откуда у незначительного провинциального адвоката такая же чуткость и тонкость, как у самого элегантного и изысканного человека при дворе?

Да, тут было о чем поразмыслить женщине, даже если эта женщина – королева.

И часть ночи королева провела в раздумьях над этой странной загадкой.

Но что делал в это время граф де Шарни?

Он, как мы видели, по знаку королевы удалился и с той поры не показывался ей на глаза.

Долг буквально приковывал его к Людовику XVI и Марии-Антуанетте, и Шарни был счастлив, что приказ королевы, о причинах которого он даже не задумывался, позволяет ему некоторое время провести в одиночестве и отдаться собственным мыслям.

Все эти три дня он жил в таком стремительном темпе, жил, если можно так выразиться, настолько отчужденно от себя ради других, что ничуть не был раздосадован, когда ему позволили ненадолго отрешиться от чужого горя и предаться собственному.

Шарни был дворянином старой закалки и главным образом человеком, преданным семье; он безмерно любил братьев, для которых был скорей даже не старшим братом, а отцом.

Шарни ужасно горевал, когда погиб Жорж, но тогда, стоя на коленях возле трупа в крохотном темном версальском дворике, он мог хотя бы облегчить горе слезами, и потом, у него оставался еще один брат, Изидор, на которого он перенес всю свою любовь, Изидор, ставший для него еще дороже, если такое возможно, за те несколько месяцев, что предшествовали его отъезду, когда молодой человек служил посредником между ним и Андреа.

Мы пытались если уж не заставить понять, то хотя бы поведать о редкостной тайне иных сердец, которые разлука не только *не* охлаждает, но, напротив, воодушевляет и которые в расставании черпают новую пищу для полнящих их воспоминаний.

Чем реже Шарни виделся с Андреа, тем чаще он думал о ней, а для него все больше и больше думать об Андреа означало полюбить ее.

По правде сказать, когда он видел Андреа, когда бывал рядом с нею, она казалась ему похожей на ледяную статую, которую способен растопить даже слабенький лучик любви, и она, Андреа, спрятавшись в тень и в себя, так же страшилась любви, как настоящая ледяная статуя страшится солнца; он видел ее медлительные, сдержанные жесты, слышал немногословную взвешенную речь, видел бесстрастный, померкший взгляд, но за этими речами, за жестами и взглядом не слышал и не видел или, точнее, не провидел ничего.

Все связанное с ней казалось ему бледным, молочно-белым, как алебастр, и таким же холодным и блеклым.

Именно такой, за исключением редких периодов оживления, вызванных внезапными обстоятельствами, и виделась ему Андреа во время их последних встреч, особенно на улице Цапли вечером того дня, когда несчастная женщина обрела и утратила сына.

Но стоило ему удалиться от нее, и расстояние оказывало свое обычное воздействие, приглушая слишком яркие краски и смягчая слишком четкие контуры. И тогда немногословная, взвешенная речь Андреа становилась певучей и звонкой, медлительные, сдержанные жесты живее, а вместо бесстрастного, померкшего взгляда из-под удлинненных век лилось всепожирающее текучее пламя; тогда ему казалось, что внутренний огонь зажигает сердце этой статуи и ему видится сквозь алебастр ее плоти, как в ней струится кровь и бьется сердце.

О, в такие минуты одиночества и разлуки Андреа становилась подлинной соперницей королевы; в лихорадочной тьме таких ночей Шарни виделось, как вдруг раздвигается стена его комнаты либо приподнимается портьера на двери и к его ложу приближается, раскрыв объятия, что-то невнятно шепча, с глазами, полными любви, эта прозрачная статуя, освещенная изнутри огнем души. И тогда Шарни тоже протягивал руки, призывая сладостное видение, и пытался прижать призрак к сердцу. Но, увы, призрак ускользал, Шарни обнимал пустоту и вновь падал из горячего сна в унылую и холодную реальность.

Изидор стал ему стократ дороже, может быть, чем Жорж, и мы видели, что Шарни был лишен даже горькой радости выплакаться над трупом Изидора, как он мог это сделать на трупе Жоржа.

Оба его брата один за другим отдали жизнь за одну и ту же роковую женщину, за дело, чреватое гибельными безднами.

И Шарни был уверен, что в свой черед тоже погибнет за ту же женщину, рухнет в ту же бездну.

Вот уже целых два дня после смерти брата, после прощального объятия, от которого на его кафтане остались пятна крови, а на его губах влажное тепло последнего вздоха умирающего, после того, как г-н де Шуазель вручил ему бумаги, найденные на трупе Изидора, у Шарни не было, пожалуй, ни секунды, чтобы предаться с недавнему его горю.

Знак королевы держаться в отдалении он воспринял как милость и чуть ли не с радостью.

С той минуты он искал какой-нибудь угол, каморку, убежище, в котором мог бы, находясь рядом с королевским семейством, чтобы по первому зову, по первому крику прийти ему на помощь, тем не менее остаться наедине со своим горем и не показывать никому своих слез.

Он нашел чердачную комнатку, находящуюся выше по той же лестнице, где несли караул г-да де Мальден и де Валори.

Там, оказавшись наконец в одиночестве и запершись, он уселся за стол, освещенный масляной лампой с тремя фитилями (такие лампы еще можно найти в старых деревенских домах), и извлек из кармана испачканные кровью бумаги, единственную память, что осталась ему о брате.

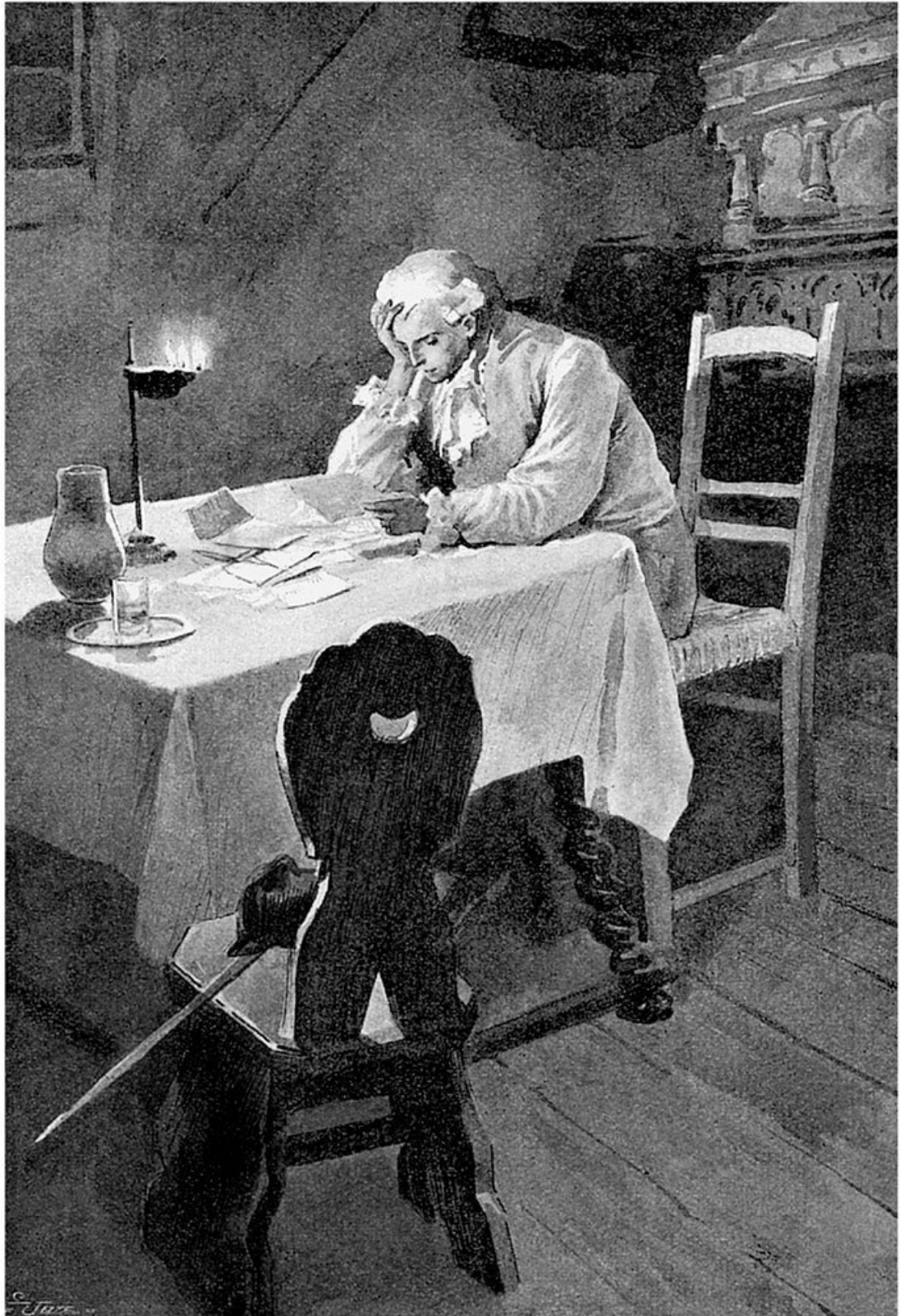
Он долго сидел, подперев голову руками и не отрывая взгляда от писем, в которых продолжали жить мысли человека, уже ушедшего из жизни, и обильные безмолвные слезы струились по его щекам и капали на стол.

Наконец он испустил глубокий вздох, потрянул головой, взял одно письмо и распечатал его.

То было письмо Катрин.

Шарни уже несколько месяцев подозревал, что у Изидора связь с дочерью фермера, но только после того, как в Варенне Бийо рассказал о ней во всех подробностях, он понял, насколько серьезно следует воспринимать ее.

Это ощущение еще более усилилось при чтении письма. Из него Шарни узнал, что положение любовницы теперь освящено материнством; читая простые слова, в каких Катрин выражала свою любовь, он читал жизнь женщины, посвященную искуплению ошибки, совершенной молоденькой девушкой.

Он вскрыл второе письмо, третье и обнаружил те же самые планы на будущее, те же надежды на счастье, те же описания радостей материнства, те же страхи возлюбленной, те же сожаления, те же горести, то же раскаяние.

Вдруг среди писем он заметил одно, почерк которого буквально потряс его. Это был почерк Андреа.

Письмо было адресовано ему.

Печатью красного воска с гербом Изидора к конверту был прилеплен сложенный вчетверо листок бумаги.

Шарни до такой степени поразило оказавшееся среди бумаг Изидора письмо, надписанное почерком Андреа и адресованное ему, что первым делом, прежде чем вскрыть конверт, он решил прочесть прикрепленный к нему листок.

То оказалась записка в несколько строчек, которую Изидор написал карандашом, надо полагать, где-нибудь на постоялом дворе, пока ему седлали лошадь:

Это письмо адресовано не мне, но моему брату графу Оливье де Шарни; написано оно его супругой графиней де Шарни. Если со мной произойдет несчастье, прошу того, кто найдет это письмо, передать его графу Оливье де Шарни или возвратить графине.

Графиня вручила мне это письмо со следующими указаниями.

Если из имеющего последовать предприятия граф выйдет невредимым, возвратить письмо графине.

Если он будет тяжело, но не смертельно ранен, попросить его, чтобы он разрешил супруге приехать к нему.

Если же он будет ранен смертельно, вручить ему это письмо, а в случае если он будет не в состоянии читать, прочесть его ему, дабы, прежде чем покинуть этот мир, он узнал содержащуюся в этом письме тайну.

Если письмо это будет переслано моему брату графу де Шарни, то, поскольку оно, вне всяких сомнений, придет к нему вместе с приложенной запиской, пусть он действует в соответствии с изложенными в ней наставлениями и как ему велит порядочность.

Поручаю его заботам Катрин Бийо, живущую с моим ребенком в деревне Виль-д'Авре.

Изидор де Шарни

Поначалу, казалось, граф всецело погрузился в чтение письма брата; из его глаз вновь заструились обильные слезы, но наконец он перевел все еще затуманенный их пеленою взгляд на письмо графини де Шарни; он долго смотрел на него, потом взял в руки, поднес к губам, прижал к груди, словно надеясь сердцем проникнуть в скрытую в нем тайну, и во второй, в третий раз перечитал записку брата.

Покачивая головой, он вполголоса промолвил:

– Нет, я не вправе вскрывать его. Но я так буду молить ее, что она позволит мне прочесть это письмо. – И словно для того, чтобы утвердиться в этом решении, невозможном для не столь прямодушной натуры, он еще раз повторил: – Нет, не стану читать!

Он так и не прочел его, но утро застало его сидящим за столом и пожирающим взглядом адрес на письме, которое прямо-таки отсырело от его дыхания, потому что он непрерывно прижимал его к устам.

Вдруг сквозь шум, поднявшийся на постоялом дворе и возвещающий, что началась подготовка к отъезду, до Шарни донесся голос г-на де Мальдена, который звал его.

– Я здесь! – откликнулся граф.

Он убрал в карман кафтана бумаги погибшего Изидора, в последний раз поцеловал так и не вскрытое письмо, положил его рядом с сердцем и сбежал по ступенькам.

На лестнице он встретил Барнава, который осведомился, как себя чувствует королева, и поручил г-ну де Валори спросить у нее распоряжений относительно часа выезда.

По виду Барнава было ясно, что он тоже не ложился и спал ничуть не больше графа Оливье де Шарни.

Они обменялись поклонами, и Шарни, будь его мысли заняты чем-то другим, кроме письма, которое он прижимал рукою к сердцу, несомненно, заметил бы огонек ревности, вспыхнувший в глазах Барнава, когда тот услышал, как граф тоже спрашивает о здоровье королевы.

Глава VIII

Крестный путь

Усевшись в карету, король и королева с удивлением обнаружили, что глазают на их отъезд одни лишь жители города, а сопровождать их будет только кавалерия.

Это было еще одно проявление заботы Барнава; он знал, что вчера, когда карета вынуждена была ехать со скоростью пешехода, королева страдала от жары, пыли, мух, толпы и угроз своим верным слугам и подданным, пришедшим приветствовать августейшую чету; он придумал, будто получено сообщение о новом вторжении: якобы г-н де Буйе вернулся во Францию с пятьюдесятью тысячами австрийцев, и потому каждый человек, имеющий ружье, косу, пику и вообще какое-нибудь оружие, обязан отправиться на бой с ними; толпа вняла его призыву и повернула назад, дабы отразить нашествие.

В ту пору Франция питала подлинную ненависть к чужеземцам, ненависть настолько сильную и всеобъемлющую, что она обратилась против короля и королевы: ведь главной виной королевы было то, что она чужеземка.

Мария-Антуанетта догадалась, кому она обязана этим новым благодеянием. Мы сказали *благодеянием* и ничуть не преувеличили. Она взглядом поблагодарила Барнава.

Едва усевшись в карету, королева сразу же обратила взор к Шарни; Шарни был уже на козлах, но сидел не посередине, как вчера; он прямо-таки принудил г-на де Мальдена поменяться местами и сел с краю, где прежде сидел верный королевский телохранитель и где было гораздо опасней. Шарни жаждал получить рану, чтобы она позволила ему вскрыть письмо графини, которое жгло ему сердце.

Он не заметил, что королева ловит его взгляд.

Мария-Антуанетта испустила глубокий вздох.

Барнав слышал его.

Встревожившись и желая узнать, что значит этот вздох, молодой депутат встал на ступеньку кареты и обратился к королеве:

– Государыня, я вчера заметил, что вы были весьма стеснены в берлине. Если здесь будет одним человеком меньше, вам будет удобнее. Стоит вам пожелать, и я поеду в кабриолете с господином де Латур-Мобуром или буду сопровождать вас верхом.

Делая это предложение, Барнав отдал бы половину оставшейся ему жизни – а оставалось ему жить не так уж долго, – за то, чтобы оно было отвергнуто.

Так оно и случилось.

– Нет, нет, – мгновенно отозвалась королева, – поезжайте с нами.

Одновременно с нею дофин протянул к Барнаву руки, чтобы удержать его, и сказал:

– Мой друг Барнав, я не хочу, чтобы ты уходил от нас.

Сияющий Барнав занял место в карете. Только он уселся, как дофин тут же перебрался с материнских коленей к нему.

Выпуская дофина из своих объятий, королева поцеловала его в обе щеки.

Влажный след ее губ остался отпечатанным на бархатистой коже мальчика. Барнав смотрел на этот след материнского поцелуя, как смотрел, должно быть, Тантал на свисающие над его головою плоды.

– Ваше величество, – обратился он к королеве, – окажите мне милость, позвольте поцеловать августейшего принца, который, следуя безошибочному инстинкту младенческого возраста, соблаговолил назвать меня своим другом.

Королева, улыбнувшись, кивнула.

И Барнав с такой страстью прильнул губами к следу, оставленному устами королевы, что мальчик испуганно вскрикнул.

Королева не упустила ни малейшей подробности из этой игры, в которую Барнав вложил всего себя. Возможно, и она спала ничуть не больше, чем Барнав и Шарни; возможно, возбуждение, оживившее ее взгляд, было вызвано сжигающей ее внутренней лихорадкой; губы ее, накрашенные красной помадой, щеки, чуть тронутые почти незаметным слоем розовых румян, делали из нее опаснейшую сирену, уверенную, что стоит ей пожелать – и она увлечет своих поклонников в пучину.

Благодаря предусмотрительности Барнава карета делала по два лье в час.

В Шато-Тьерри остановились пообедать.

Дом, в котором сделали остановку, был расположен в очаровательном месте около реки и принадлежал богатой торговке лесом; она не надеялась, что ей будет оказана такая честь, но тем не менее накануне, узнав, что королевское семейство проедет через Шато-Тьерри, послала верхом одного из своих приказчиков, дабы предложить г-дам делегатам Национального собрания, равно как и королю с королевой, воспользоваться ее гостеприимством.

Предложение было принято.

Едва карета остановилась, король с королевой, увидев вереницу предупредительных слуг, поняли, что их ждет прием, совершенно отличный от того, какой им был оказан вчера на дорманском постоялом дворе. Короля, королеву, Мадам Елизавету, г-жу де Турзель и обоих детей проводили каждого в отдельную комнату, где уже было до мелочей подготовлено все, чтобы гости могли заняться туалетом и привести себя в порядок.

Со дня отъезда из Парижа королева не встречалась с подобной предусмотрительностью. С аристократической чуткостью были предугаданы самые сокровенные привычки женщины; Мария-Антуанетта, начавшая ценить такую заботу, захотела повидать хозяйку, чтобы поблагодарить ее.

Спустя минуту в комнату вошла женщина лет сорока, еще свежая и державшаяся с исключительной простотой. До сих пор она скромно старалась не мозолить глаза гостям.

– Сударыня, это вы хозяйка дома? – осведомилась королева.

– О ваше величество, – со слезами воскликнула достойная женщина, – в доме, который почитит своим присутствием королева, единственная хозяйка – она!

Мария-Антуанетта обвела взглядом комнату, желая убедиться, что они одни.

Убедившись же, что никто не видит их и не слышит, она взяла хозяйку за руку, привлекла к себе, расцеловала, как лучшую подругу, и сказала:

– Если вы печетесь о нашем спокойствии и хоть сколько-нибудь думаете о своей безопасности, возьмите себя в руки и умерьте проявления скорби: ведь если кто-нибудь догадается, каковы ее причины, это может обернуться для вас бедой. Поймите, случись с вами что, это только усугубит наши муки. Быть может, мы еще увидимся, а пока сдерживайте свои чувства и считайте меня своей подругой, для которой сегодняшняя встреча с вами радостна и драгоценна⁹.

После обеда тронулись в путь; жара была чудовищная, и король, заметив, что у Мадам Елизаветы, изнуренной усталостью, голова несколько раз упала на грудь, настоял, чтобы принцесса заняла до приезда в Мо, где они должны были остановиться на ночевку, его место на заднем сиденье; но Мадам Елизавета подчинилась только после того, как король буквально приказал ей пересесть.

Петион присутствовал при этом споре, но места своего не предложил.

Барнав, багровый от стыда, укрыл лицо в ладонях, но сквозь щелочку между пальцами мог видеть грустную улыбку королевы.

⁹ Мы воспроизводим здесь подлинные слова Марии-Антуанетты, приведенные в сообщении одного из королевских гвардейцев, который подготавливал бегство в Варенн и сопровождал в этом бегстве королю. – *Примеч. авт.*

Примерно через час усталость до такой степени сморила Мадам Елизавету, что та уснула; естественно, во сне ее прелестная ангельская головка моталась из стороны в сторону и наконец легла на плечо Петиона.

Это дало возможность депутату от Шартра в своем неизданном рассказе об этом путешествии написать, что Мадам Елизавета, это чистейшее, как мы знаем, существо, влюбилась в него и положила ему голову на плечо, поддавшись зову природы.

В четыре пополудни приехали в Мо и остановились перед епископским дворцом, где некогда жил Боссюэ и где восемьдесят семь лет назад автор «Рассуждения о всеобщей истории» завершил свой жизненный путь.

Ныне во дворце обитал конституционный епископ, давший присягу. Чуть позже мы увидим, как он принял королевское семейство.

Но поначалу королеву поразили лишь угрюмый вид здания, в которое ей предстояло войти. Ни один дворец, принадлежи он монарху или князю Церкви, не выглядел столь печальным и не мог бы с большим основанием притязать на то, чтобы предоставить приют несчастнейшей королеве, просящей впустить ее на одну ночь под его своды. Он был совершенно не похож на Версаль: монументальность Версаля пышна, а монументальность этого дворца – проста; широкий наклонный подъезд, мощенный кирпичом, вел к покоям, а сами комнаты выходили в сад, основанием для которого служили городские валы; над садом возвышалась колокольня, вся увитая плющом, от нее аллея падубов вела к кабинету, где красноречивый епископ Мо время от времени издавал мрачные вопли, предвещающие падение монархий.

Королева обежала взглядом это угрюмое здание и, найдя, что оно соответствует ее душевному настроению, оглянулась, ища, на чью руку она могла бы опереться, чтобы осмотреть дворец.

Рядом был только Барнав.

Королева улыбнулась.

– Сударь, подайте мне руку, – сказала она, – и будьте добры послужить мне проводником по этому старинному дворцу. Одна я не осмелюсь пройти по нему: мне страшно – а вдруг я услышу тот громовой голос, что однажды потряс христианский мир воплем: «Государыня умирает! Государыня мертва!»¹⁰

Барнав с поспешностью, но и с почтительностью предложил руку королеве.

Однако королева вновь оглянулась: ее беспокоило упорное отсутствие де Шарни.

Все подмечающий Барнав заметил и этот взгляд.

– Вашему величеству что-то нужно? – осведомился он.

– Да, я хотела бы знать, где король, – ответила Мария-Антуанетта.

– Он оказал честь господину Петиону принять его и беседует с ним, – объяснил Барнав.

Королева сделала вид, что удовлетворена ответом.

Чувствуя, что ей необходимо вырваться из круга бушевающих ее мыслей, она сказала Барнаву:

– Идемте.

И она повлекла его с собой через залы епископского дворца.

Казалось, она бежит, не глядя по сторонам, преследуя тень, существующую только в ее мозгу.

Наконец в спальне великого проповедника королева, чуть ли не запыхавшись, остановилась.

По случайности остановилась она напротив женского портрета.

Машинально подняв глаза, она прочла на раме: «*Мадам Генриетта*» – и вздрогнула.

Барнав ощутил эту дрожь и, не понимая ее причины, осведомился:

¹⁰ Слова из надгробной речи Боссюэ по случаю кончины супруги Людовика XIV Марии Терезии Австрийской (1638–1683).

– Ваше величество нехорошо себя чувствует?

– Нет, – ответила она, – но этот портрет... Генриетта...

Барнав понял, что происходит в сердце несчастной женщины.

– Да, – заметил он, – Генриетта, но это Генриетта Английская, жена беспечного Филиппа Орлеанского, а не вдова несчастного Карла Первого; не та, которая думала, что умрет от холода в Лувре, а та, что умерла, отравленная в Сен-Клу, и перед смертью послала кольцо Боссюэ...¹¹ – И после некоторого колебания он добавил: – Я предпочел бы, чтобы это был портрет другой Генриетты.

– Почему? – спросила Мария-Антуанетта.

– Потому что есть уста, которые только и могут осмелиться дать определенные советы, и обычно это те уста, что замкнула смерть.

– А не могли бы вы, сударь, сказать мне, какой совет дали бы мне уста вдовы короля Карла? – поинтересовалась Мария-Антуанетта.

– Попытаюсь, если ваше величество прикажет, – ответил Барнав.

– Что ж, попытайтесь.

– «О сестра моя, – сказали бы вам эти уста, – неужели вы не видите сходства между нашими судьбами? Я приехала из Франции, а вы из Австрии и была для англичан такой же чужестранкой, как вы для французов. Я могла бы подать моему заблуждавшемуся супругу добрые советы, но я хранила молчание или подавала дурные. Вместо того чтобы сплотиться с его народом и сплотить народ вокруг него, я побуждала его к войне, посоветовала ему пойти с ирландскими мятежниками на Лондон. Я не только поддерживала переписку с врагами Англии, но дважды ездила во Францию, чтобы привести в Англию чужеземных солдат...»

Барнав запнулся.

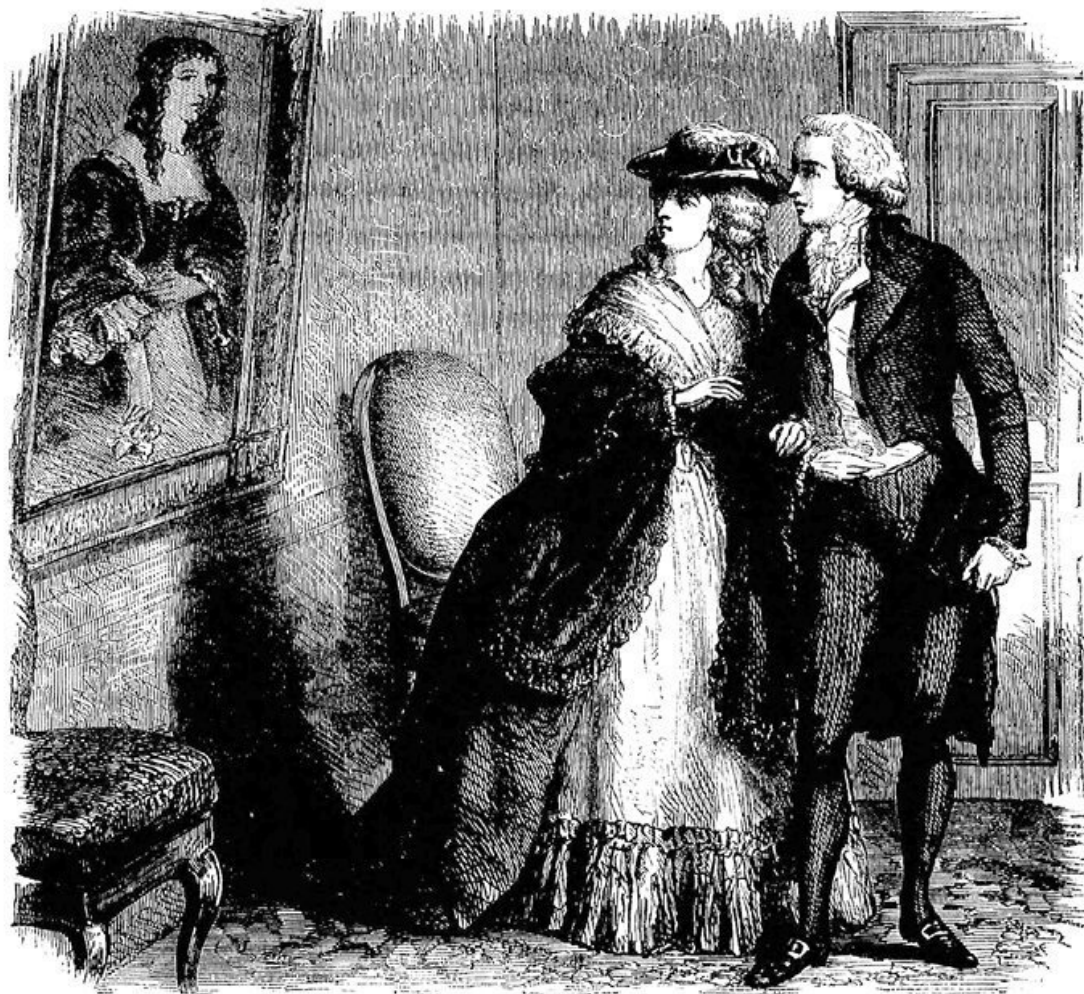
– Продолжайте же! – поджав губы и нахмурив брови, бросила королева.

– Стоит ли, ваше величество? – промолвил молодой оратор, печально покачав головой. – Вы ведь не хуже меня знаете, чем закончилась эта кровавая история.

– Что ж, тогда продолжу я и расскажу вам, что сказал бы мне портрет королевы Генриетты, а вы поправьте меня, если я ошибусь. «Наконец шотландцы предали и продали своего короля. Король был арестован в тот момент, когда он думал переправиться во Францию. Захватил его в плен портной, мясник препроводил в тюрьму, тележник очистил зал, где должны были его судить, пивовар председательствовал в суде, и, дабы довершить гнусность этого судилища, пока верховный судья, который получает все судебные дела, пересматривал этот незаконный процесс, палач в маске обезглавил несчастную жертву». Вот что сказал бы мне портрет ее величества Генриетты. Вы согласны? Господи, да я знаю это не хуже других, а еще лучше знаю, как много схожего между нами. У нас ведь тоже есть свой пивовар из предместья, только он зовется не Кромвель, а Сантер¹²; у нас есть свой мясник, только он зовется не Гаррисон, а... как его?... кажется, Лежандр; есть у нас и свой тележник, только зовется он не Прайдж, а... Нет, тут я не могу сказать, это настолько незначительный человек, что я даже не знаю его имени, да, убеждена, и вы тоже. Впрочем, спросите его сами, он скажет. Это тот, кто командует нашим конвоем, крестьянин, мужлан, деревенщина. Вот и все, что сказала бы мне королева Генриетта.

¹¹ Имеются в виду Генриетта Французская (1605–1669), дочь Генриха IV, супруга английского короля Карла I, бежавшая в 1644 г. в результате Английской революции во Францию, и Генриетта Английская (1644–1670), дочь Карла I, супруга брата Людовика XIV Филиппа Орлеанского; существовали подозрения, что она была отравлена фаворитами своего мужа. Боссюэ произнес надгробные речи над могилами обеих.

¹² *Сантер Антуан Жозеф* (1752–1809) – парижский пивовар, командир национальной гвардии Парижа в 1793 г. и дивизионный генерал во время восстания в Вандее.

– А что бы ответили ей вы?

– Я ответила бы: «Возлюбленная сестра моя, королева! То, что вы сказали, – это не совет, это лекция по истории. Но поскольку лекцию вы завершили, я жду совета».

– Но подобные советы, ваше величество, если вы, конечно, не откажетесь им следовать, могут дать не только мертвые, но и живые.

– Мертвые ли, живые, пусть их выскажут все, кто способен. Ведь если совет хорош, почему бы им не воспользоваться?

– Боже мой, ваше величество! И мертвые, и живые вам дадут только один совет.

– Какой же?

– Добиться любви народа.

– Вы думаете, добиться любви вашего народа так уж легко?

– Ваше величество, этот народ в гораздо большей степени ваш, чем мой. И вот доказательство: после вашего приезда во Францию этот народ обожал вас.

– Ах, сударь, вы говорите о такой ненадежной вещи, как популярность.

– Ваше величество! Ваше величество! – воскликнул Барнав. – Уж если я, никому не ведомый, вышедший из неизвестности, сумел добиться ее, то сколь просто было бы вам сохранить ее, а еще легче завоевать вновь! Но вы, – все более воодушевляясь, продолжал Барнав, – кому вы доверили защиту своего дела, самого высокого и святого, – дело защиты монархии? Чьи уста, чьи руки защищали его? Да где видано подобное непонимание, какое нынче время, где видано подобное забвение духа Франции! Вот, к примеру, я... ведь я упросил послать меня

встречать вас с одной-единственной целью. О господи, сколько раз я был готов пойти к вам и предложить себя... посвятить себя...

– Тсс! – прервала его королева. – Сюда идут. Мы еще поговорим с вами, господин Барнав, я готова принять вас, выслушать и следовать вашим советам.

– О, ваше величество! – восторженно вскричал Барнав.

– Тсс! – повторила королева.

– Ваше величество, кушать подано! – объявил, появившись в дверях, слуга, чьи шаги прервали их разговор.

Королева и Барнав направились в столовую. Король вошел туда через другую дверь; пока королева разговаривала с Барнавом, он беседовал с Петитоном, и теперь вид у него был весьма оживленный.

Оба королевских телохранителя стояли у стола, как бы настаивая тем самым на своей привилегии прислуживать их величествам.

Шарни стоял вдали, укрывшись в нише окна.

Король огляделся и, пользуясь тем, что, кроме его семьи, обоих телохранителей и графа, никого нет, обратился к ним:

– Господа, после ужина мне нужно поговорить с вами. Я прошу вас пройти вместе со мной в мои покои.

Трое офицеров поклонились.

Ужин начался как обычно.

Но хотя королевское семейство восседало за столом в Мо у одного из первых епископов королевства, сервировка и еда были настолько же плохи, насколько прекрасны они были в Шато-Тьерри, где король и его спутники отобедали.

Как всегда, аппетит у короля был превосходный, и ел он много, несмотря на то что стол был скверный. Королева же съела только два сырых яйца.

Еще со вчерашнего дня немножко прихворнувший дофин просил земляники, но, увы, бедный мальчик не понимал, что прошли те времена, когда предупреждалось любое его желание. Со вчерашнего дня все, к кому он обращался, отвечали либо «Нету земляники», либо «Не смогли найти».

И вдруг по пути он увидел, как деревенские ребята едят землянику, букетики которой они собрали в лесу.

Вот тогда-то он позавидовал белобрысым, краснощеким крестьянским детям, которым не надо просить земляники: когда захотят, они могут сами пойти и набрать ее; ведь они знают полянки, где она растет, точно так же как птицы знают поля, где цветут сурепка и конопля.

Королева была очень огорчена тем, что не может исполнить желание сына, и, когда дофин, отказавшись от всего, что ему предлагали, вновь попросил земляники, на глазах бедной матери выступили слезы.

Она поискала взглядом, к кому бы обратиться, и заметила Шарни, который молча стоял в нише окна.

Королева позвала его знаком, потом еще и еще раз, но Шарни, погруженный в свои мысли, даже не заметил этого.

Тогда голосом, охрипшим от волнения, королева окликнула:

– Граф де Шарни!

Шарни вздрогнул, словно его внезапно вырвали из сна, и собрался подойти к королеве, как вдруг отворилась дверь и появился Барнав с тарелкой земляники.

– Государыня, прошу простить меня, – произнес он, – за то, что я так вхожу, и король, надеюсь, тоже простит меня, но сегодня днем я неоднократно слышал, как дофин просил земляники. Эту тарелку я обнаружил на столе у епископа, взял ее и принес сюда.

Шарни в это время шел к столу, но королева даже не дала ему подойти.

– Благодарю вас, граф, – бросила она. – Господин Барнав угадал, что я хотела, и больше мне ничего не нужно.

Шарни поклонился и, не промолвив ни слова, вернулся на прежнее место.

– Спасибо, мой друг Барнав, – поблагодарил дофин.

– Господин Барнав, – сказал король, – наш ужин не слишком хорош, но, если вы согласитесь разделить его с нами, мы с королевой будем рады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.